

Владислав Валерьевич Выставной
Нет правил для богов
Серия «Disciples», книга 5

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651025
Владислав Выставной. Нет правил для богов: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-065028-6, 978-5-271-28711-4*

Аннотация

Что станет с тем, кто, презрев покой, отправится с тихих окраин в легендарные земли Невендаара? Будь он хоть задумчивый менестрель, хоть отчаянный охотник за древними кладами – боги уже прочертили им путь огненным следом упавшей звезды. Горе этим, смертным, ставшим слепыми орудиями коварного Инквизитора! Он привык действовать чужими руками – особенно теперь, когда на кону власть в ослабшей Империи. Что делать двум чужестранцам, брошенным в котел яростной схватки?! Ведь сошедшая с небес божественная Иноэль – ценная добыча для всех рас. Гномы, эльфы, Проклятые, нежить – все бросаются на поиски, стремясь любой ценой опередить храброго рыцаря Империи. Вьются мрачные дороги Невендаара, звенит сталь клинков, творится злое колдовство – и лишь старый маг знает, какие удивительные встречи суждены героям...

Содержание

Пролог,	4
Часть 1	6
Глава первая,	6
Глава вторая,	10
Глава третья,	15
Глава четвертая,	21
Глава пятая,	25
Глава шестая,	29
Глава седьмая,	34
Глава восьмая,	39
Глава девятая,	45
Глава десятая,	49
Глава одиннадцатая,	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владислав Выставной

Нет правил для богов

Пролог, *в котором объясняется происхождение этой рукописи и выражается величайшее почтение к благородному читателю*

В первых же строках автор вынужден признаться: пишет это не убеленный сединами летописец, не сгорбленный переписчик, не премудрый знаток алхимии и даже не благородный вельможа, уставший от государственных дел. Не смея даже в мыслях превзойти достоверность и духовную силу летописей святого Иллутена, рассказчик желает донести до читателя лишь то, что видел собственными глазами, слышал и ощущал своим бранным телом.

За труд сей взялся человек куда более легкомысленного сословия, не обделенный, однако, грамотой (которая, по правде говоря, в наших местах – не частый гость). Имя мое, если избавить его от прозвищ, званий и титулов, что приносила и отбирала хитроумная судьба, все то же, что дали мне при рождении в далеком окраинном селении, – Свидрик. Впрочем, было это так давно, что сакральное значение имени стерлось из памяти, да и не так это теперь и важно.

Так уж было уготовано Всевышним, чтобы свидетелем удивительных и великих событий стал обыкновенный менестрель, бродячий певец, вообразивший себя великим поэтом и оттого бросившийся однажды в пугающую пучину событий.

С другой стороны, может, стоит возблагодарить то легкомыслие, что подвигло юного глупца на странствие без конца, без начала, а главное – безо всякой корысти и стремления найти себе лучшую долю. Все, что двигало неразумным юнцом, – лишь жажда чуда, крылатого вдохновения и славы лучшего сказителя всех времен.

Неудивительно: с малолетства меня окружали рассказы о грандиозных событиях, потрясших земли Невендаара, о суровых богах и великих героях, о зловещем ужасе преисподней и чудесах спасения. Правда в этих рассказах мешалась с легендами, да и положены были эти истории на нехитрую музыку менестрелей.

Ведь рос я на далекой окраине мира, в тишине и покое, среди мирных лугов, светлых рощ, гладких озер, и отголоски ужасных катастроф не могли испугать того, кто не был знаком с настоящим страхом.

Но страх коварен, ибо способен не только отпугивать, но манить своими обманчивыми багровыми отблесками. С самого детства грезил я героями и заколдованными красавицами, и песни бродяг сами собой собирались в моей не обремененной заботами голове.

Вот так однажды я и отправился прочь из родимого дома, несмотря на ворчание отца и слезы матери. Оставив родителей на попечение многочисленных братьев и сестер, я, младший из них, свободный, как ветер, отправился навстречу своей судьбе.

Шел я в сторону мертвых, разоренных чудовищными войнами земель Невендаара, желая своими глазами увидеть легендарные места столкновения сил света и тьмы, чтобы на стыке враждебных вселенных найти свою, особую музу. В голове гулял вольный ветер, и будущее представлялось счастливым и безоблачным.

Думал ли я тогда, какие испытания пошлет мне судьба? А знай о том – согласился бы повторить все снова?

Иногда я задаю себе этот вопрос.

И ответ всегда один: да! Да, конечно!

Ибо что может быть лучше вольных странствий и отчаянных битв, крепкой дружбы и доброго вина, звонкой песни и любви красавиц?

Вперед же, мой отважный читатель! Мы отправляемся в путь!

Часть 1

Объятия Невендаара

Глава первая, *в которой Свидрик заводит сомнительное знакомство и ступает на таинственные берега*

Рулевое весло отвратительно скрипело. Ничто так не раздражает тонкий слух поэта, как фальшивый звук. Пусть бы и трещало – да только бы попадало в нужные ноты! А так – словно квартет пьяных оборотней решил свести меня с ума. Надо ж было случиться, что именно мне досталось место на самой корме! Удивительно, отчего до сих пор нас не утащил на дно какой-нибудь разбуженный и разозленный кракен!

Хотя, наверное, дело не столько в скрипе, сколько в отвратительной, удушливой жаре, что сделала воздух плотным и липким, словно возвещая о приближении таинственных и опасных мест.

Одно утешает: ладья скоро уткнется в берег, и мерзкий скрип прекратится.

Удивительно – но шум ветра, плеск волн и трепетание паруса во время трудного и опасного морского перехода не вызвали во мне такого отторжения. Напротив, я был захвачен новыми впечатлениями, и внутри меня пел восторженный голос. Не считая первых трех дней плавания, когда, скрученный морской болезнью, я делился съеденными припасами с коварными волнами...

Чтобы хоть как-то отвлечься от надоедливой звука и справедливо рассудив, что поэт должен как следует изучить людей и их нравы, я пялился на попутчиков. Как назло, попутчики попались мне совершенно скучные – даже словом перекинуться не с кем. Ведь не с теми же двумя мрачными варварами, что неподвижно замерли на носу – с жуткими лицами, изувеченными шрамами и татуировками, с дико скрученными волосами, обрывками шкур вместо одежды. Сидели они в одинаковых расслабленных позах, обхватив жилистыми, сплюшь в железных браслетах, руками длинные рукояти боевых топоров. Ржавые пятна на темном металле вызвали неприятные мысли. И как только хозяин решился доверить груз таким охранникам? Всем ведь известно, как варвары чтят договоры...

Среди молчаливых попутчиков выделялся коренастый бородатый дядька, привалившийся спиной к мачте под беспомощно обвисшим парусом. Дядька ничем особым не проявлял себя, более того – он спал. Но густая черная борода, могучий храп, необычная одежда и что-то еще, неуловимо странное, заставляли меня вновь и вновь обращать на него внимание.

Палуба этого небольшого купеческого корабля была завалена тюками из грубого джута, заставлена потемневшими бочками. Пахло рыбой и прокисшей капустой – отнюдь не романтикой дальних странствий. Но только так можно было добраться до брошенных земель, некогда принадлежавших могучей Империи.

Корабельщики нередко проходили по этой реке с варварским именем Ийо. Путь их лежал вверх по течению – туда, где ближе к Драконьим горам, на диких степных базарах варвары торговали изделиями мастеровых-гномов и диковинами из земель эльфов. Поговаривали, что там можно купить запрещенные на мирных окраинах колдовские штуковины из мира демонов и жуткие мертвые вещи нежити...

Да только это мало интересовало меня. Ведь эти берега, где река разливается широким озером и берегом касается проклятых земель, старались обходить стороной.

Помнится, я долго толкался на пристани, пытаюсь разузнать, что известно про имперские земли этим отважным путешественникам. Да только тех, похоже, больше интересовали барыши – а с кем торговать на мертвых берегах? Разве что с бесплотными духами?

Тот маленький приморский городок, до которого я пешком добирался не один день, представлялся мне тогда центром мира. Каким же жалким казался я себе со своей тощей холщовой сумкой да старой лютней, повисшей на перекинутой через плечо веревке!

Но вид моря потряс меня до глубины души. И не только своей особой, соленой, бурной красотой. Ведь там, за бескрайней лазурной гладью, скрывался легендарный Невендаар...

Не сразу удалось найти того, кто согласился бы высадить меня на проклятых богами землях. И там, в шумном торговом порту, меня стали одолевать смутные сомнения – особенно когда я говорил о целях своего странствия. Люди смотрели на меня, как на безумца, отводили взгляды, старались побыстрее закончить разговор.

Сидя в уголке шумной таверны, наполненной удушливым дымом табака и странных благовоний, криками пьяных матросов и смехом портовых женщин, я робко наблюдал за бесшабашным весельем, для которого здесь не существовало ни дня, ни ночи. Больше всего меня поражало то, что эти отчаянные, не знающие страха и сомнений люди не хотят даже слышать о местах былых сражений тьмы и света. Они предпочитали резаться в кости, драться за дешевых девок да напиваться до беспамятства.

Впрочем, я быстро понял, что общаться с матросами не имеет смысла. Все здесь решали капитаны и купцы, набиравшие корабельные команды. Ради хорошего дохода они были готовы отправиться хоть к Бетрезену в глотку. Так мне удалось сговориться с хозяином одного из отплывающих кораблей. Тучный, в мехах, несмотря на жару, купец осмотрел меня прозрачным взглядом и сказал:

– Что же ты хочешь найти там, за Драконьими скалами?

– Истории, – честно сказал я, невольно погладив лютню.

– Что? – Купец чуть приподнял брови.

– Поучительные истории, – пояснил я. – Те, из которых складываются баллады, саги, сонеты...

– Впервые вижу того, кто сам ищет повод, чтобы влипнуть в историю... – произнес купец и расхохотался сочным смехом здорового, уверенного в себе человека.

И взял меня на борт. Не забыв при этом обобрать меня как липку. «К опасному берегу пойдем, – пояснил он, пересчитывая полученные от меня монеты. – Ради твоих чудачеств я не жизнью – грузом рискую! Мне-то всякие истории ни к чему...»

И снова расхохотался.

А я подумал: как же вышло, что огромная, мощная Империя, вассалом которой был когда-то и этот сытый городок, сгинула за своими Драконьими скалами, оставив после себя лишь легенды да героические саги? Уже тогда в душу закрался неприятный холодок. Мелькнула даже малодушная мысль – не разумнее ли вернуться домой? Но следом пришел стыд – могучий погонщик глупцов.

И я взошел на корабль.

И вот теперь, когда мы приближались к зловещим черным скалам, нависшим над гладкой водой, мне стало окончательно не по себе.

А купец уже неторопливо протискивался через залежи товаров, чтобы остановиться на корме и зычно крикнуть:

– Эй, которые тут смельчаки – охотники до историй? Приплыли!

Я помахал в ответ, без всякой, впрочем, уверенности: желания странствовать по заброшенным землям у меня как-то поубавилось.

Но тут, к моему удивлению, из-под груды тряпья показалась заспанная физиономия под растрепанными светлыми волосами. Даже в таком помятом виде она излучала обаяние и невольно вызывала симпатию. Отчаянно зевая и непринужденно потягиваясь, незнакомец поднялся на ноги. Был это молодой человек, одетый щегольски, хоть и довольно потрепанно, и немногим, видимо, меня старше. Однако хитрый взгляд его уже тогда выдавал в нем куда большее, чем у меня, знание жизни.

– А что, приплыли? – несколько удивленно поинтересовался он. И тут же уставился на меня. Еще миг – и он уже непринужденно сидел рядом, заговаривая со мной, будто мы были знакомы с детства.

– Меня Огюстом зовут, – сказал он. – Но друзья кличут Грошем. Правда, друзей у меня нет – так что ты будешь первым.

– А с чего ты это взял, что я буду твоим другом? – Я напрягся, чувствуя себя крайне скованно – сказывалась моя дремучая провинциальность.

– А деваться некуда, – охотно пояснил Грош. – Ведь только двое сумасшедших сейчас на берег сойдут – им надо как-то ладить...

– Что это за сумасшедшие? – тупо спросил я.

– Да мы с тобой, чудаки! – усмехнулся Грош. – Как звать-то тебя?

– Свидриком меня звать... – ответил я, подумав при том, что зря вот так выбалтываю имя первому встречному. Ведь всем известно, что люди бывают разные, а на подлинное имя так легко наложить проклятие, украв твою жизненную силу. Давно надо было обзавестись прозвищем – да как-то не вышло.

Но с другой стороны, этот бродяга – а иначе не скажешь – сразу выложил и имя, и прозвище...

Впрочем, может, не стоит видеть злого колдуна в каждом встречном? Но и то правда – что делать этому парню в мертвых землях? Не иначе, здесь какой-то подвох...

Пока я бледнел и обливался потом, новый знакомый с удовольствием оглядывался по сторонам. Наверное, он проспал всю дорогу, оттого все здесь было ему в новинку.

– Смотри! – Грош больно ткнул меня локтем в бок и сказал: – Видишь бородатого?

– Ну? – сердито ответил я, потирая ушибленный бок.

– Это же гном! – доверительно сообщил Грош.

– Да ну! – не поверил я.

– Точно говорю – гном!

Я невольно уставился на бородатого. Действительно – то необычное, что кололо мне глаз с самого начала, отличало его от обычного человека. Или от человека в принципе. Кто его знает? Я просто никогда не видел гномов – как не видел эльфов, нежити и прочих удивительных существ, о которых можно услышать в сагах. В нашем тихом уголке ничего подобного не было, и я даже привык считать всех их плодом воображения менестрелей. Как это уживалось в моей голове с желанием увидеть все самому – объяснить трудно.

А гном, похоже, почувствовал обращенное к себе внимание и приоткрыл один глаз – огромный, черный – и при этом вроде бы продолжал спать. Только засопел громко, недовольно, сверля меня недобрым взглядом единственного и притом спящего глаза.

По спине неприятно пробежали мурашки, я отвел взгляд.

– Гном, – довольно повторил Грош. – Интересно, откуда это он плывет и куда?

– А я почему знаю? – сердито сказал я. – Плывет и плывет себе...

– Ну, не скажи, – задумчиво разглядывая гнома, произнес Грош. – Гномы-то воды не любят – плавают плохо, корабли вообще терпеть не могут. Не простой это гном, точно говорю...

В этот момент ладья ощутимо вздрогнула.

– Эй, бродяги – на выход! – лениво бросил купец. – И побыстрее – мне недосуг здесь торчать...

Я подскочил, радуясь, что не надо больше слушать надоедливой Гроша, стал пробираться к носу: прыгать с кормы в ледяную воду совсем не хотелось. Грош двинулся следом и, проходя мимо мачты, словно нарочно споткнулся и рухнул на гнома.

Тот оглушительно всхрапнул и проснулся. Брезгливо столкнул с себя нелепо копошащегося Гроша.

– Какого Бетрезена?! – заорал гном неприятным визгливым голосом. – Чтоб тебя разорвало, косилапый сопляк! Бросить тебя в воду на потеху мерфолкам!

– Простите, ради всего святого, простите! – прижав руки к груди и лучезарно улыбаясь, забормотал Грош. Так он и пятился до самого носа – высокого, изогнутого, напоминающего дракона.

Гном продолжал рассыпаться проклятиями, а скучающий люд несколько оживился, вяло посмеиваясь и перекидываясь глубокомысленными замечаниями.

Я спрыгнул. Как ни старался – все-таки промочил ноги. Сзади раздался всплеск – на мокрую гальку соскочил мой назойливый попутчик.

– Наконец-то – хоть ноги разомнем! – довольно сказал он.

Я не ответил – трудно было оторвать взгляд от этой поразительной картины: пугающие дикой красотой скалы и величавый корабль посреди бескрайней хрустальной глади...

Длинные весла уперлись в дно: крепкие гребцы как следует, налегли – и ладья медленно отошла от берега.

– Спасибо! – искренне крикнул я показавшемуся на носу купцу.

И в ответ услышал лишь знакомый хохот.

Глава вторая, в которой Свидрик знакомится с грубой силой и вступает в сомнительное предприятие

Земли Империи были пустынные и мертвые. Впрочем, чего еще ожидать от этого маленького каменистого клочка суши? Ведь равнина была отделена от меня скалистой грядой, сквозь которую, как говорили, вел трудный и опасный перевал.

Впрочем, первые опасения прошли, и теперь я мог позволить себе немного расслабиться и напиться красотой камня и воды, размышляя о том, что рассказывали об этих местах старинные легенды...

Единственным, что портило величественную картину и мешало проникнуться атмосферой, был мой новый знакомый. Он довольно насвистывал, важно расхаживал, заложив за спину руки, и оглядывал скалы с видом человека, получившего все эти красоты по наследству от почившего дядюшки-лорда.

– Эх, красота! – Грош потянулся, хрустнув суставами, от чего меня передернуло. – Благодатные места!

Я удивленно посмотрел на незваного попутчика.

– Благодатные? – повторил я. – У меня о них совсем другое представление.

– Да ладно? – ухмыльнулся Грош. – Ну-ка, поделись!

Вообще-то у меня не было никакого желания общаться с этим назойливым типом. В этих диких местах я искал вдохновения, а не пустых разговоров. Впрочем, менестрелям приходится порой выступать на публике. Более того, это и есть их работа. Но в те времена мне казалось, что Грош – слишком низкосортная публика для моего таланта. Что говорить – глупость столь же безгранична, как и вера юности в собственную исключительность.

– Эти места никак нельзя назвать благодатными, – сказал я, и голос мой окреп, как всегда, когда я касался любимой темы. Я говорил все громче, вкладывая в слова ритм и пафос, присущий героической саге, и внутренне радовался, наблюдая в глазах единственного слушателя оцепенение и нарастающий интерес. – Скалы эти неспроста названы Драконьими. До тех пор, как в этих местах были установлены жезлы власти Империи, драконы здесь властвовали безраздельно, закрывая крылами небо, играя и спариваясь под облаками. Дорагон – великий повелитель драконов – нагонял ужас на окрестные земли, совершал налеты и на отдаленные города. И в эти места никогда не пришел бы корабль, если бы Дорагона не убили во времена Первой Великой войны. Говорят, и сейчас, когда в этих местах почти не осталось крылатых созданий, великий бог драконов Дорагон охраняет эти черные скалы... В стародавние времена вершины здесь были громадны – но страшные потрясения обрушили их, превратив в обломки. Еще говорят, что где-то этот хребет соединяется с Горами Дьявола...

– Ты что же, бывал в этих местах? – с интересом осматриваясь, поинтересовался Грош.

– Никогда. – Я покачал головой. – Но иногда мне кажется, что всю свою жизнь я провел в землях Империи, Эльфийского Союза и Горных Кланов, среди демонов, нежити и драконов...

– Да кто ты такой, парень? – Впервые Грош посмотрел на меня с интересом, без присущего ему бесконечного ерничества.

– Я поэт...

– Кто?!

– Бард. Менестрель. Я знаю множество историй про эти земли...

Грош прыснул со смеху и сказал – снисходительно и, как мне показалось, облегченно:

– Поэт! Вот умора! А я-то думал... Впрочем, я с самого начала удивлялся: что за бандуру ты собой тащишь? Фу-х... А то уж напугал меня своими страшными сказками...

– Это не сказки. Саги и баллады – всего лишь поэтическая форма, в которой описываются подлинные события. Так они лучше запоминаются и производят особое впечатление на слушателей...

– Это да, – кивнул Грош. – Впечатление ты произвел. Только никому здесь не говори о своем занятии. Не поймут. В лучшем случае засмеют, да и разговаривать всерьез не будут. Ну а могут и прибить – на всякий случай...

В тот момент я почувствовал, как почва уходит у меня из-под ног. Все, что я считал лучшим в своей жизни, увлекательным, важным, почти святым, – подверглось презрительному осмеянию.

– Поэт – уважаемое ремесло... – дрожащим голосом сказал я. Пальцы сами собой сжались в кулаки.

– Расскажи это гномам, – хихикнул Грош. – Они-то знают, что такое настоящее ремесло...

Первый раз в жизни я пришел в бешенство. С каким-то невообразимым воплем бросился на обидчика...

И упал в воду.

До этого я никогда не дрался. В селении нашем люди были обстоятельные, работающие и добрые. Так уж сложилась жизнь, что о настоящих кулачных боях мне было известно лишь из лихих песен изредка проходящих бродяг. Грошу даже не пришлось меня бить: ловко увернувшись, он поставил подножку – и я полетел носом в речную гальку.

Обиженно дзынкнули за спиной струны лютни, и надо мной раздался примирительный и оттого еще более раздражающий голос:

– Ну, брат, это не дело. Ты же драться не умеешь! Куда тебе в Невендаар соваться?

Я не ответил. Сел по щиколотку в воде, осторожно снял лютню, осмотрел. Вроде бы не повредил...

Обида и злость разъедали душу, и в ней больше не было места для вдохновения.

Я был не просто повержен в драке. Я получил серьезный урок жизни.

А мой милосердный победитель продолжал разглагольствовать, стоя надо мной и задумчиво сложив на груди руки:

– Слушай, приятель. Еще не поздно вернуться на корабль – вон они только грести собираются. Сейчас крикнем – и отправишься домой, к мамочке...

Договорить я ему не дал: вскочил и снова бросился на обидчика. На этот раз он даже увертываться не стал – просто, не особо напрягаясь, толкнул меня ладонью в грудь, умудрившись при этом перехватить за гриф лютню. Я кубарем полетел обратно в воду, а Грош остался стоять, с любопытством вертя инструмент в руках. Ударил по струнам – и лютня отозвалась отчаянно фальшивым звуком.

– Не смей трогать инструмент! – заорал я.

Стоя по колено в воде, мокрый, со сжатыми кулаками и диким взглядом, я, очевидно, произвел впечатление на Гроша.

– Да ладно, забирай. – Он протянул лютню. – Только учти: сунешься ко мне еще раз – получишь по носу.

Я вырвал у него из рук лютню и некоторое время стоял, тупо уставившись на нее. Кровь еще не перестала бурлить, смесь злости и обиды по-прежнему отравляла мой ум.

Потом мы молча сидели на камнях, глядя вслед медленно уходящей ладье. Я успокоился, не избавившись, однако, от желания поквитаться – мысли, недостойной барда, но типичной для опозоренного юноши.

– Ладно, – сказал наконец Грош, решительно хлопнув себя по коленям. – Я тут подумал – не все так плохо...

– Надо же, как интересно! – желчно отозвался я. Одежда никак не желала сохнуть, я успел порядком замерзнуть и теперь мелко трясся и стучал зубами.

– Я серьезно, – сказал Грош. – Поразмыслив здраво, я вот что решил: мы оба не лишены недостатков...

– Я рад, что ты это признаешь, – заметил я, несколько смягчаясь. В конце концов, эти слова отдаленно походили на извинения.

– Вот-вот. С другой стороны, у каждого из нас есть определенные достоинства. Скажем, я – весьма ловкий малый. У меня чутье на удачу, со мной охотно общаются люди и еще охотнее – делятся своим имуществом...

– Что-то я не вполне понимаю...

– Ты же, как видно, куда лучше меня знаешь эти земли и местные обычаи...

– Ну... – Эти слова смутили меня. Действительно: голова моя набита легендами и сказаниями – но можно ли считать это настоящим знанием местности и ее обитателей? Это довольно опасное заблуждение. Ведь для того я и прибыл сюда, чтобы самому ощутить правду Невендаара. Но, похоже, мой собеседник не владел и такими сомнительными сведениями об этой стране.

– ...так что вместе мы можем стать весьма удачливой компанией, – закончил Грош и лихо подмигнул. – Я предлагаю объединить наши усилия. Будь моим компаньоном!

Грош с готовностью протянул мне руку. Я же посмотрел на нее с некоторым сомнением.

– Компаньоном в чем? – осторожно спросил я. – Я пришел сюда за вдохновением. А чем тебя влекут эти земли? Что ищешь ты?

– Так его же – вдохновение! – воскликнул Грош. – Только тебя вдохновляют старинные баллады, а меня – сокровища!

– Сокровища?! – Я подскочил на месте так, что Грош отдернул руку, испуганно подавшись назад.

– А что тебя удивляет? – Он пожал плечами. – Мертвые земли древней Империи должны быть просто набиты кладами и всякими там диковинами. Войны унесли много жизней – но золото ведь никуда не делось. Я нюхом чую – надо скорее пошарить в этих местах, пока то же самое не пришло в голову каким-нибудь другим умникам. Пока что их сдерживает лишь страх – кто знает, что творится на этих землях? Но скоро, очень скоро сюда ринутся целые толпы кладоискателей! Так что у нас с тобой есть прекрасный шанс собрать сливки...

– Это же мародерство! – возмущенно заявил я. – Копаться на могилах погибших воинов...

– Это как посмотреть, – возразил Грош. – Можешь считать, что это – ученая экспедиция...

– Научная... – машинально поправил я.

– Вот-вот! – подхватил хитрый Грош. – Ты собираешь свои истории, а я – факты. В золотом и бриллиантовом эквиваленте.

Наверное, мой взгляд был довольно красноречив, и Грош перешел к более весомым аргументам. Он залез за пазуху своей щегольской рубахи и извлек небольшой, но массивный предмет. Что-то вроде пряжки из темного металла, изготовленной искусно, из витиевато переплетенных полос, складывающихся в незнакомые мне символы. Посередке загадочно отсвечивал крупный зеленоватый камень.

– Что это? – спросил я, завороченно глядя на эту штуковину.

– Изумруд. Что, никогда не видел гномьего амулета? – усмехнулся Грош.

– Нет. – Я помотал головой, невольно протягивая руки к удивительному предмету.

Грош, словно играя со мной, отдернул руку:

– Как же ты собираешься сочинять свои баллады, если никогда не видел даже вещей из Невендаара?

– Откуда у тебя это? – спросил я.

– Так, по наследству досталось, – уклончиво ответил Грош, пряча амулет обратно за пазуху.

Меня осенила неприятная догадка.

– Ты что же – украл ее у того гнома?! – дрожащим голосом произнес я.

– Почему – украл? – пожал плечами Грош. – Просто позаимствовал. Хороший амулет никогда не помешает. Особенно в таких беспокойных местах...

– Ты – вор... – произнес я не столько вопросительно, сколько констатируя факт.

Грош обиженно поджал губы:

– Я вовсе не вор! Мое призвание – поиск кладов. Клад – это то, что лишено хозяина, а стало быть, ничье. Не надо было разбрасывать амулеты по всей палубе...

– Он же спал...

– Вот именно!

Я не знал, что сказать. Мне еще не приходилось иметь дело с такими мошенниками. Бродяги, что забредали в наш тихий уголок, тоже бывали не в ладах с законами и обычаями. Но Грош обладал тем, чего не было у скитающихся по свету оборванцев, – ослепительной улыбкой и непробиваемым обаянием. Трудно было не дрогнуть и не пойти на поводу у этого хитреца.

И моя уверенность пошатнулась.

– Даже не знаю... – с сомнением проговорил я. – Я против воровства и разорения легендарных земель. Это же просто отвратительно!

– А кто говорит о воровстве? Земли эти пусты и мертвы! – настойчиво убеждал Грош. – Так ведь говорят твои саги?

– Да, но...

– Значит, богатства Империи – ничьи! И защитить их от всяких негодяев – наш святой долг! А представь – нагрянут сюда толпы жадных торговцев – и превратят твой гордый Невендаар в большой базар. А ты так и не успеешь увидеть его в, так сказать, первоизданном виде...

Надо отдать должное хорошо подвешенному языку Гроша. Наверное, он мог бы убедить кого угодно и в чем угодно – даже доказать гному, что он в действительности – толстый усатый эльф, а эльфу, что тот – рахитичный недоразвитый гном.

Но нельзя забывать и про мою тогдашнюю наивность и впечатлительность. Так же, как когда-то я жадно впитывал невероятные рассказы менестрелей, теперь я был готов поверить этому болтливому проходимцу. Наверное, так и творится история – из трусости одних, глупости других и безграничного авантюризма третьих.

– К тому же есть еще один момент, – видя мои колебания, продолжил Грош. – Даже в этих странных краях все равно надо будет как-то добывать себе пропитание...

– Я буду зарабатывать игрой на лютне и пением! – заявил я.

– Это если там есть, кому тебя слушать, – парировал Грош. – К тому же что ты знаешь о местных вкусах? Лично я полагаюсь на обаяние и ловкость. И меня просто обожают женщины, особенно скучающие вдовушки – а таких после последних войн должно быть предостаточно. Так что в разных ситуациях мы с тобой не дадим друг другу помереть с голоду. Согласен? Или ты по-прежнему боишься?

Я был молод и глуп. Но и в те времена не был трусом.

– Так по рукам? – Грош снова подставил ладонь.

– По рукам!

Так мы впервые пожали друг другу руки.

Дружба – странная штука. Иногда она сталкивает совершенно противоположных людей и существ. Так эльфы, наверное, дружат со своими деревьями, а гномы – с угрюмыми скалами. Так было и в нашем случае.

Кто тогда мог подумать, что дружба наша станет крепче заговоренной гномами стали?

Мы были очень разными, но судьба будто специально окунула нас в бурлящий котел событий, в котором мы стали удивительным образом дополнять друг друга. Я был уверен, что ловкий Грош способен вывернуться из любой, даже самой сложной ситуации (сейчас остается лишь посмеяться над моей тогдашней наивностью). Грош же, раскрыв рот, доверчиво внимал моим пересказам древних легенд (теперь давайте похохочем над этим самоуверенным ловкачом).

Так, вполне довольные друг другом и уверенные в успехе общего предприятия – каждый в своей, особой области, – мы двинулись по едва различимой тропе в сторону черных Драконьих скал.

Навстречу удивительным событиям.

В самую пасть тьмы.

Глава третья, в которой Свидрик пробует себя в роли барда, наблюдает редкое астрономическое явление и спасается бегством

Перевал был не слишком высок, но идти по нему было чрезвычайно трудно. Тропа терялась среди многочисленных обвалов, и нам приходилось то и дело взбираться на огромные кучи обломков, спускаться в глубокие провалы. Над головой, словно уменьшенные копии древних драконов, кружили терпеливые грифы – не торопясь, словно заведомо зная: обед никуда не денется, и эти глупцы скоро станут тем, кем и положено становиться забравшимся в эти места, – падалью.

Первая же ночь доставила нам немало страха: вокруг, не смолкая, душераздирающе выли какие-то твари, и мы невольно жались друг к другу у жалкого костерка, что удалось соорудить из найденных в округе немногочисленных корявых сучьев.

Чтобы заглушить отвратительные звуки, я наигрывал на лютне незамысловатую мелодию, пытаясь разрядить обстановку песней:

Ватагой дружной через лес
Бродяги смело шли.
Искали злата и чудес
И к озеру пришли...

– Хорошая песня, – вставил Грош. – Прямо про нас с тобой. Только озера здесь никакого нет, да и леса тоже...

Я продолжал:

Один воскликнул: «Знаю я:
Богатства под водой!»
Нырнуть собрался,
Но второй сказал ему: «Постой!

Смотри, как холодна вода,
Темна, не видно дна,
Оставь – там ждет тебя беда,
Погубит глубина!»

А третий пятится назад
В глазах его испуг:
«Друзья, совсем уж я не рад,
Не чую ног и рук...»

– Неправильная какая-то песня, – заметил Грош. – Чего они боятся? Раз уж пришли – так хватай и беги!

А я пел, перебирая струны, уставившись на языки пламени:

Четвертый в страхе говорит:
«Послушайте, друзья!

Ведь то не дерево скрипит,
То духи говорят!»

А пятый спрятаться спешит
Среди дурман-травы.
«Злой демон злато сторожит,
Не снести нам головы!»

Шестой вдруг бросился в бега,
Лишь крикнул слабо в ночь:
«Зловещи эти берега,
Скорей отсюда прочь!»

– Чего-то мне не по себе, – кашлянув в кулак, сказал Грош. – Когда же закончится эта неприятная история?

И лишь седьмой остался там.
Он в озеро шагнул,
Сундук на берег вынес сам,
Под крышку заглянул...

– Вот это славный конец! – воскликнул Грош. – Хорошая награда за упорство и любознательность... – Он сделал паузу, посмотрел на меня, поднял бровь. – Что... Не конец еще? Я помотал головой.

Но не нашлось в нем ничего —
Лишь сорная трава.
И мертво смотрит на него
Его же голова...

– Эх, да чтоб тебя разорвало! – вскричал Грош, вскакивая. – Что же это за история такая?! И без того душа в пятках, а ты про мертвые головы тут рассказываешь! Да и как этот парень мог видеть свою же голову?!

– Так в песне поется... – оправдывался я.

– Поется... А повеселее ничего нет?

Четно говоря, я никогда не задумывался, насколько жуткой может оказаться история, если поведать ее в подходящей обстановке. В родных краях песенка про семерых бродяг казалась просто забавной шуткой...

– Да есть вроде и повеселее... – неуверенно сказал я и снова запел:

Опять веселье до утра —
У гномов пир горой.
Вовсю хохочут мастера
Горланят: «Хой-хой-хой!»

Рекою пиво уж течет,
Но крикнул юный гном:
«Нам мало пива, где еще?
Дай бочку мне – вверх дном!»

Смеются все, а наш герой
На стол залез, храбрец.
Бултых – и в пиво с головой,
И песенке конец...

– Да что же это такое! – возмутился Грош. – И это, по-твоему, – веселая песня?!

Я и сам уже понял, что весельчак из меня никудышный: еще немного, глядишь – и сам зарыдаю от страха.

– Тоже мне – поэт! – разорвался Грош. – И какой от тебя только прок, если ты даже человека развеселить не можешь?!

– Я менестрель, а не шут! – в сердцах выкрикнул я. – Мое дело – не смешить, а пробуждать в людях высокие чувства!

– Ага – желание надеть в штаны со страху! – ехидно парировал Грош.

– Да ты ничего не понимаешь, – пыхтел я. – Ты... Ты...

В следующий миг произошло нечто странное.

Смолкли вдруг мерзкие ночные звуки. И наступившая тишина показалась еще более пугающей, чем окружавшая нас вакханалия звуков. Мы тоже замолчали, настороженно вслушиваясь в эту ватную тишь.

И вдруг скалы осветились мертвенным, дрожащим голубоватым светом. Не сговариваясь, мы подняли глаза к ночному небу.

Там, в вышине, оставляя за собой рассыпающийся искрами след, неслась голубая звезда. В лицо ударило теплым ветром – несильно, даже как-то бережно...

– Падает... – зачем-то прошептал я.

– Ага... – столь же тихо отозвался Грош.

Звезда прочертила в небе бледную, таящую полосу и исчезла за скалами. Через несколько мгновений где-то далеко-далеко, в той стороне, ослепительно вспыхнуло.

И вновь наступил мрак.

Тут же, словно выйдя из оцепенения, взвыли ночные твари – осатанело, будто неистово хотели наверстать упущенное время.

– Это знамение... – гробовым голосом сказал я. Не собирался я больше пугать приятеля – по-другому не вышло.

– С чего ты взял, что знамение? – неуверенно спросил Грош.

– Чувствую... В Невендааре ничего не происходит случайно. А часто ли ты видишь такие странные падающие звезды?

– Нет у меня привычки в небо пялиться, – развязно заявил мой компаньон. – Я не романтическая барышня, я деловой человек. И вообще...

Что должно было последовать за этим «вообще», я так и не узнал – к привычному уже вою и визгу добавились новые звуки – движения, шуршания камней. И тут же со стороны узкой расщелины поползли в нашу сторону зловещие тени.

– А... – пробормотал я. – Что это?

– Где? – Грош подпрыгнул на месте и обернулся.

На фоне размытых черных силуэтов теперь явственно светились бледные зеленоватые глаза.

Многочисленные рассказы, передаваемые из уст в уста и дошедшие однажды до моих ушей, не несли в себе достоверных описаний. Но я и без того догадался, кто пожаловал к костру – по наши души.

– Нежить! – заорал я.

Заглушив меня, разразился воплями Грош. Он бросился к костру, и мне даже показалось на миг, что у него помутился рассудок: вместо того чтобы бежать сломя голову, он принялся ворошить костер. В сторону незваных гостей полетели горящие поленья. Из темноты донеслось рычание – недовольное и, похоже, несколько удивленное. Но рассчитывать на испуг зловещих пришельцев было глупо.

– Бежим! – завопил Грош и бросился наутек.

Я успел подхватить сумку и драгоценную лютню и, спотыкаясь о камни и корявые корни, поспешил следом. Обиженное рычание толкало в спину, как ураганный ветер.

Все-таки Грош был ценным приобретением в моем путешествии: в подобной ситуации я ни за что не догадался бы захватить с собой горящую головню – что и сделал мой ушлый попутчик. Надо было освещать себе путь – противное грозило переломом ног и следующей за этим неизбежной встречей с преследователями.

Впрочем, ужасные тени быстро отстали: то ли были изначально неторопливы, то ли потеряли к нам интерес. А может, сами испугались нашей бурной реакции.

Хотя если подумать – откуда взяться нежити на землях Империи? Какие-нибудь неприкаянные бродяги, охотники за заблудшими душами...

Результатом бегства стало другое, не менее удручающее обстоятельство: мы заблудились. И без того едва различимая тропинка напрочь растворилась в ночи.

– Замечательно, – бормотал Грош, наспех соорудив новый факел, пока не истлела выхваченная из костра головня. – Только этого нам не хватало...

– Может, остановимся иждеждем утра? – робко предложил я.

– Нет уж, дудки! – решительно сказал Грош. – Я теперь ни минуты на месте не усиджу – мне всюду будут эти самые мертвяки мерещиться. О, смотри: легки на помине!

Я поначалу подумал, что Грош говорит о нежити. Но, посмотрев себе под ноги, понял, о чем говорит приятель.

Поперек дороги лежал человеческий скелет.

– Ох... – пробормотал я. – Кто это его?

– Его? – усмехнулся Грош. – Я бы сказал – «их»!

И сделал широкий жест, словно представлял мне своих добрых знакомых. Хотя вряд ли можно было бы кого узнать в огромных гудах выбеленных временем костей, края которых терялись в ночи.

– Интересно, что здесь такое произошло? – задумчиво сказал Грош. – Уж не твоя ли нежить постаралась?

Ответ пришел сам собою: едва мы сделали несколько шагов по отвратительно хрустящей поверхности, из мрака выплыло нечто ужасное.

– Что это? – сглотнув, сипло спросил Грош.

Я не сразу нашел в себе силы ответить. В конце концов, я сам впервые видел подобное. С трудом заставил себя сказать:

– По-моему, череп...

– Вижу, что череп. Но чей? Грош будто боялся сказать вслух это слово.

– Череп... дракона, – выдавил я.

Мы как загипнотизированные двигались вперед, сквозь узкое ущелье, и теперь стал виден мощный хребет, изогнутые, как гигантские сабли, ребра и длинные, но легкие кости крыльев. В тот момент останки этой твари показались мне просто чудовищными. Я не знал еще, что найденный нами экземпляр был довольно скромных размеров.

– На костях лежит, – пытаюсь казаться развязным, сказал Грош. – Наверное, подход от обжорства...

– Ты бы это... Почтительнее о драконах. Все-таки эти скалы – их территория, – напомнил я.

– Кто спорит... – осматривая смешанное, драконье-человеческое кладбище, сказал Грош. – Наверное, здесь у него было логово. Или гнездо – что там полагается этим тварям?..

Я подошел к черепу. Пожалуй, я спокойно уместился бы в пасти его хозяина. Но к естественному страху теперь примешалось новое чувство.

Благоговение. Я впервые столь остро почувствовал, что прикоснулся к легендарному миру своих детских грез. Пусть в действительности все оказалось не столь сверкающим и привлекательным, пусть мир этот был наполнен странными, порою отталкивающими видами, звуками и запахами – он был реален, и я сам уже стал его частью.

Рука сама собою, против моей воли, протянулась к зияющему провалу глазницы. Пальцы ощутили шершавую поверхность остатков чешуи.

– Не трогай, – брезгливо сказал Грош, но я не слушал его. Остов чудовища манил к себе, как манит иногда, завлекая страхом, сырой темный подвал, как притягивает взгляд морская бездна...

Провел ладонью по прекрасно сохранившейся верхней челюсти. Удивительно – зубы монстра были по-прежнему остры, как иглы, и торчали, ошетилившись в несколько рядов. Попробовал остроту на ощупь и, вскрикнув, отдернул руку: в ладони, в бледном свете факела, сверкнули капельки свежей крови.

– Что такое? – беспокойно спросил Грош.

– Да так, ничего... – пробормотал я, продолжая разглядывать ладонь.

В ней остался выпавший драконий зуб. Не столь большой, как выпирающие наружу клыки, но от этого не менее жуткий. Воровато оглядевшись, словно боясь быть уличенным в неприглядном поступке, я спрятал зуб в сумку.

Это был мой первый трофей на землях Невендаара.

Пофилософствовать на эту тему мне не пришлось. Я спиной почувствовал движение, и в душу хлынул страх. В следующий миг Грош отшвырнул меня в сторону. Неловко взмахнув руками, я рухнул в груды человеческого праха. Подо мной жалобно затрещали кости, рот наполнился пылью, но мне было не до ее вкусовых качеств: я резко обернулся, надеясь, что мне просто почудилось, будто ожили под ногами человеческие останки...

Ведь тех, кто, пошатываясь, медленно заполнял собою узкое ущелье, трудно было назвать живыми...

– Что за чертовщина... – в панике бормотал Грош. – Это же мертвецы...

– Нежить... Зомби... – вырвалось у меня первое, что пришло на ум.

В ответ раздалось утробное рычание. Нежить все прибывала и прибывала, заполняя собой пространство – не было даже и речи, чтобы пробиться обратно. За спиной же скалы предательски смыкались.

То ли в насмешку, что ли желая пострашнее подсветить действие, из-за обломанных каменных вершин вылезла луна. Выглянула краешком, будто подглядывая с любопытством: чем же закончится дело?

Мертвяки не спешили разделаться с нами. Они вообще уже никуда не спешили.

– Дорогу нам отрезали! – сообщил Грош. – Ты, случайно, не знаешь, чего боятся эти твари?

– Мертвые ничего не боятся... – проговорил я.

Замершие впереди фигуры разом повернулись на звук и, низко рыча, двинулись в нашу сторону.

Я не выдержал и заорал.

Так громко, отчаянно, что мне показалось, будто дрогнула земля. Замолчал, сорвав голос, и с изумлением понял: земля действительно дрожит, а сверху на разгулявшуюся нежить сыплются камни!

– Мортис меня раздери... – пробормотал Грош, втягивая голову в плечи. – Нежить или булыжники – какой богатый выбор! Лично я бы предпочел чашу вина и хорошенько выспаться...

Огромный камень, отскочив от наклонной базальтовой стены, снес с ног ближайшего зомби, что уже тянул к нам скрюченные пальцы. Булыжники плясали, как разбушевавшиеся мячи, и я потрясенно видел: они словно видели свои цели, с беспощадной ловкостью сшибая нежить!

Я протянул вперед руку в желании выкрикнуть какую-то догадку...

Но в этот миг что-то звонко лопнуло в моей голове, и мир вокруг, и без того лишенный красок, померк окончательно...

Глава четвертая, в которой Свидрик и Грош, сами того не желая, попадают в гости

С трудом разлепив глаза, прислушался к своим ощущениям. Признаться, были они странные. Я сразу понял, что потерял сознание и очнулся в каком-то незнакомом месте. Но голова почему-то совсем не болела, напротив – тело охватила приятная теплота. Я не смог удержаться – и расплылся в довольной улыбке.

– О, очнулся, – раздался знакомый голос. – А мы уж думали – оставлять тебе жратвы или как? Остывает, и смотреть на нее сил нету – в животе прямо демоны воют!

– «Мы»? – произнес я и проснулся окончательно.

Не без усилия сел, скинул с себя какие-то жаркие, пахучие шкуры, огляделся.

Перед глазами все еще плыло, и я не сразу узнал ухмыляющееся лицо приятеля, который с аппетитом уплетал что-то из миски, подозрительно напоминающей крышку черепа. Грош не переставал разглагольствовать, но мой вялый ум не поспевал за его болтовней.

Зато я понял, что мы находимся в какой-то пещере – как ни странно, довольно уютно обустроенной: с циновками и шкурами на красноватых стенах, с многочисленной кухонной утварью и драпировками из грубой ткани. Посреди пещеры горел небольшой аккуратный костерок, над которым в подвешенном закопченном котелке булькало какое-то варево. Запах распространялся непривычный, но вполне приятный.

– Где моя лютня? – беспокойно спросил я.

Грош удивленно запнулся, покачал головой и рассмеялся:

– Во дает! Его чуть не пришибло, а он о своей бандуре трясется! Не волнуйся, тут она...

– Что это за место? – успокоившись, спросил я. – Не знаю, – легкомысленно ответил Грош. – Но хозяйка радушная и приятная в обхождении. И к тому же жизнь нам спасла...

Я вспомнил, как странно летали камни, раскидывая во все стороны ночную нежить, и с сомнением огляделся вновь.

– Что же это за хозяйка, что землю трясет и повелевает камнями? – проговорил я.

– Да какая разница? – отмахнулся Грош. – На лучше, подкрепись!

И протянул мне миску с пахучей жижей. Я даже не удивился, увидев, что торчащая из нее ложка сделана из куска кости – на вид человеческой. В прежние времена меня, наверное, просто вырвало бы от отвращения. Но недолгое пребывание в Невендааре успело начисто избавить от природной брезгливости. К тому же после долгого пути и пережитых страхов есть хотелось просто мучительно. Я и глазом моргнуть не успел, как уже выскребал ложкой дно миски.

– Вкусно? – раздалось прямо надо мной.

От неожиданности я выронил миску, ложка полетела к стене. Грош захихикал, засмеялся и тот, что так неожиданно подкрался ко мне со спины.

Вернее – та. Это была невысокая смуглая женщина с раскосыми глазами-щелочками, наряженная в холщовое платье, расшитое странными узорами и украшенное кусочками меха. На голове у нее был так же расшитый бисером головной убор, из-под которого пробились седые пряди. Она действительно выглядела довольно милой, улыбалась, но глаз ее я не видел.

– Это вы спасли нас? – спросил я, чтобы скрыть необъяснимое беспокойство.

– Кушай-кушай! – ласково сказала женщина и даже погладила меня по плечу. От ее прикосновения я вздрогнул.

– Спасибо, было вкусно, – сказал я, отодвигая от себя миску. – Кто вы, уважаемая?

– Еще кушать? – вместо ответа поинтересовалась она, и в ее голосе послышался незнакомый акцент.

Я помотал головой.

– Вот и хорошо! – сказала женщина и протянула мне чашу, над которой клубился густой пар. – Пей.

– Э-э-э... – протянул я, принимая чашу. – Что это?

– Целебно это, – отозвалась женщина, продолжая пристально смотреть на меня. Словно какие-то силы сами подняли мои руки и отправили в рот обжигающий отвар.

А женщина тихо напевала себе под нос на непонятном, гортанном языке.

В голове разом заиграли небесные трели, стало еще более легко и приятно...

– Вы – колдунья? – ляпнул я.

– Шаманша я, – отозвалась женщина, отобрала миску и направилась к костру. – В этих скалах хозяйка. С тех пор, как здесь не осталось драконов, только я и слежу за перевалом. Нельзя, чтобы за дорогой никто не следил. На то она и дорога, чтобы одни по ней шли, другие мешали тем, кто идет, а третьи решали, на чьей стороне правда. Пройти дорогу – это как пройти жизнь. И в этих местах я решаю, кто и как ее пройдет...

Я вспомнил дрожащую землю и пляшущие камни, и мне стало не по себе. Эта женщина, видимо, и впрямь была хозяйкой этих мест.

Достойная замена ушедшим драконам...

Она сняла с огня котелок и плеснула в огонь оставшиеся капли из моей чаши. Пламя шумно пыхнуло, словно в него плеснули кувшин масла, и в этом жарком зареве я увидел себя.

Странно, очень странно видеть себя со стороны. Немногие из магов способны к таким штукам, но теперь я явственно видел себя, спрыгивающего с корабля на землю Невендаара, бредущего меж скал, протягивающего руку к драконьему костяку...

– Ай-ай-ай... Нельзя смертным дракона касаться – даже мертвого... Много, много несчастья тебе будет. – Голос шаманши ворвался в мой разум, разогнав туманные картинки. – Зря ты, чужеземец, пришел в эти земли...

– Несчастья? – Голос мой дрогнул. – И что же – я погибну?

Шаманша тихо рассмеялась:

– Ох и насмешил ты меня, мальчишка... Будто смерть – это самое страшное! Смерть – всего лишь часть пути, приятное избавление от мук, принесенных жизнью...

– Ага, я тоже такое слышал, – вставил Грош, что с любопытством разглядывал хозяйкину утварь – брал в руки, вертел, ставил на место. – Да только еще помучиться хотелось бы. Да подольше...

– Здесь многим выпадает именно такая доля, – туманно сказала шаманша. – Может, и тебе доведется почувствовать холод вечной жизни...

– Я бы не прочь, – усмехнулся Грош. – Какая бы ни была жизнь – но если она вечная...

– Замолчи! – шикнул я на приятеля. Уж больно мне не понравились огоньки, сверкнувшие в глазах-щелочках хозяйки. – Простите его, милая женщина.

Хозяйка неприятно хихикнула:

– Сроду меня не называли милой женщиной. И в благодарность за эти слова я исполню ваши желания...

Шаманша приблизилась ко мне, и глаза ее вдруг широко раскрылись, сверкнув желтоватым огнем.

– Ты шел сюда, чтобы увидеть чудесное, то, чего не встретишь в окраинных землях, – сказала она, водя у меня перед глазами морщинистой рукой. – Я покажу тебе чудеса – такие, что никогда не увидишь при жизни...

– Что? – пробормотал я. – Что вы имеете в виду?..

– ...а заодно – избавлю от неизбежных несчастий, что ждут тебя здесь. Ведь не их ты искал в Невендааре?..

И прямо в лицо мне сдула с ладони легкую серую пыль.

Я почувствовал, как заволакивается мой взор, всплывают предо мною удивительные картины, такие, что не видел – и никогда не увижу больше.

Потому что умираю.

Сладкой, как мед, смертью...

– Что вы с ним сделали? – долетел до угасающего сознания голос Гроша.

– Это не я, – прошелестел голос шаманши. – Это яд Мортис – убийственный и милосердный. Ты хотел вечной жизни? Что ж, это привилегия нежити. Получи и ты благословение Мортис...

...Когда я очнулся снова, мне уже не было так легко и приятно. Голова гудела, тело ломило, будто меня избил давешним камнепадом...

Единственное, что радовало, – это солнце над головой. Я застонал и заставил себя подняться. По правое плечо высились скалы, по левое – начиналась холмистая равнина, поросшая желтоватой травой. На траве, глядя в небо, задумчиво жуя травинку, растянулся Грош.

– О-о... – простонал я. В голове что-то пульсировало, желудок стремился расстаться с и без того скудным содержимым. – Мне приснился ужасный сон. Будто мы попали в пещеру какой-то шаманши, и она из нас решила мертвяков сделать...

– Хотел бы я, чтобы все это оказалось сном, – проворчал Грош. – Да только во сне не приходилось мне еще таскать полудохлых менестрелей, да еще с бандурой в придачу!

Я напряг память и похолодел от ужаса. Посмотрел на приятеля, словно не веря, что все еще его вижу.

– Чего ты на меня уставился? – лениво спросил тот.

– Она хотела убить нас... – медленно сказал я.

– Точно, – невозмутимо отозвался Грош. – Шаманы – странный народ. Никогда не знаешь, что у них на уме...

– Она отравила нас ядом Мортис, – продолжил я. – Я ведь точно знал, что умираю. Отчего я все еще жив? Странно...

– Ты будто не рад? – усмехнулся Грош. – Ну и меня отравили – да только не до конца, видимо. Я очнулся – тебя схватил и тикать... Хорошо, что хозяйка по делам отлучилась...

Он нервно хихикнул, и я понял, что за его бравадой скрывается самый обыкновенный страх.

– Непонятно... – повторил я. – Если это действительно был яд Мортис – у нас не осталось ни малейшего шанса. Это один из самых смертельных ядов... Значит, что-то у этой шаманши не вышло...

– Посолить забыла, когда яд готовила, – ехидно предположил Грош.

Я пропустил это мимо ушей, растерянно ощупывая себя, будто все еще не веря в собственное спасение. Рука наткнулась на что-то и сама извлекла из складок одежды маленький предмет.

Зуб дракона.

– Может, это спасло меня? – проговорил я, разглядывая сверкающий жемчугом зуб. – Вроде оберега? Да нет, я ведь все равно потерял чувства...

Грош посмотрел на меня, и улыбка сползла с его физиономии. Он полез за пазуху и извлек небольшой предмет. Сказал задумчиво:

– Оберег, говоришь?

В руках он вертел тот самый гномий амулет с изумрудом посередке. В моих глазах эта небольшая вещица обрела вдруг новое значение, разом перевернув мое отношение к рукотворным предметам.

Это там, на тихих окраинах, вещи имеют простое, раз и навсегда установленное назначение. Коса – чтобы косить, топор – чтобы рубить, драгоценный камень – чтобы украшать перстень лорда.

Здесь же, на просторах Невендаара, никогда нельзя быть уверенным, что предмет, случайно найденный или находящийся в чьих-то руках, не несет в себе скрытую силу. Это и пугало, и заставляло сердце биться чаще, намекая на то, что все здесь насквозь пропитано магией...

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – медленно спросил Грош.

– Да, – уверенно сказал я. – Этот амулет уберег тебя от смертельного яда. А заодно и меня – когда ты волок меня на себе от этой милой, гостеприимной женщины...

– Надо же... – произнес Грош, разглядывая амулет. Потом хитро улыбнулся и сказал, пряча вещицу обратно. – Я же говорил – здесь есть чем поживиться!..

– Сдается, ты поживился этим еще до того, как мы ступили на земли Империи, – заметил я.

– Не важно, – отмахнулся Грош. – Главное – набрать побольше таких вот вещей. Я нутром чую – здесь их полным-полно! А там, за морем, за каждую из них нам щедро отсыплют обычными золотыми. Ей-богу, я согласен на самое обыкновенное, не магическое золото!

– Как-то у тебя легко все получается, – буркнул я. – И пары дней не прошло, как мы здесь, – а уже дважды чуть не распрощались с жизнью...

– Но ведь ты за историями сюда пришел? – рассмеялся Грош. – Вот тебе и истории – можешь сочинять балладу.

Я сел на камень, призадумался. И улыбнулся:

– А ведь ты прав, друг мой Грош! Как я только сам об этом не подумал? А ну, дай-ка мне мою лютню!

Глава пятая, в которой друзья убеждаются в своей чрезмерной самонадеянности, но не в силах ничего изменить

С момента своего чудесного спасения из лап зомби и не менее коварной шаманши я несколько переменял отношение к своему приятелю Огюсту по прозвищу Грош. Тогда я впервые понял смысл некоторых строк в героических сагах, где говорилось о настоящей дружбе. Только пройдя испытание смертью, понимаешь ей истинную цену.

Не стоило, впрочем, идеализировать Гроша. Все-таки личность он взбалмошная и вполне себе эгоистичная. Думаю, в том случае им больше двигал страх остаться в одиночестве в этом негостеприимном мире, чем желание прослыть героем. Но я остался жив – и этим все сказано.

По холмам идти было куда веселее, чем карабкаться по скалам. Настроение у меня улучшилось, и в голове стали рождаться первые строки будущей баллады про драконов, нежить и счастливое избавление.

Что ни говори, а личное присутствие на месте событий действительно вдохновляет. Я бормотал себе под нос, время от времени спотыкаясь от излишней задумчивости:

...Когда в вечерний час за данью прилетает,
Крылами черными он небо заслоняет...

– Если это ты про дракона – то у тебя убедительно получается, – кивал Грош. – Такая громадина, наверное, и солнце проглотить может.

Своим змеиным телом скалы обвивает,
Он смотрит вниз, он жертву выбирает...

– Мрачный ты человек, Свидрик, – заметил Грош. – Хлебом тебя не корми – дай только нагнать страху!

– Записать бы надо, – пробормотал я, хватаясь за сумку, но строки продолжали лезть из меня сами собой:

Взгляд желтых глаз способен сжечь гранит.
Ревниво он сокровище хранит...

– В этом месте прошу поподробнее! – потребовал Грош. – Люблю про сокровища!

Усыпано ущелье путников костями —
Привык питаться он незваными гостями.
Под грудой костяков, их прахом запыленный,
Хранится сотни лет там ларчик потаенный...

– Погоди, – забеспокоился Грош. – А может, правда там этот ларчик лежит? Может, вернемся раскопаем? Дракон-то мертвый, слава Всевышнему...

Я недоуменно уставился на Гроша, улыбнулся:

– Это же всего лишь стихи! Я все это только что придумал.

– Жаль, – сказал Грош задумчиво. – Уж больно смачно придумал. И не «ларец» даже, а именно «ларчик». Аппетитно-то как! А в ларчике-то что было?

Я призадумался. Пожал плечами и продолжил:

Под крышкой золотой, украшенной камнями,
На бархате, увитом жемчуга нитями...

– Хорошо-о! – довольно протянул Грош, потирая руки. – Ну-ка, ну-ка...

Что не купить и не присвоить даром —
Драконье сердце, пышущее жаром...

– Да... – сказал Грош. – Ну, хотя бы ларчик золотой, и жемчуг – он тоже всегда в цене. Но почему бы не положить вовнутрь алмаз с лошадиную голову? Ты же поэт – или тебе фантазии не хватает?

Отнявший этот ларчик у дракона
Получит силу, чтоб дойти до трона.
Враги склонят перед таким колено...
Но заплатить придется кровью цену...

Закончив сочинять, я быстро извлек из сумки листок дешевой бумаги и принялся царапать на нем обломком грифеля.

– Выходит, кто-то уже заплатил эту цену, – сказал Грош. – Видел, сколько там костей? И дракон уже дохлый... Значит, он забрал драконье сердце – и захватил трон! Получается, мы малость припозднились...

– Ну, сколько тебе говорить, – устало произнес я, старательно записывая стихотворные строфы. – Это всего лишь стихи. Просто события вдохновили меня – вот я и выдумал все это...

Грош поднял к небу указательный палец и сказал важно:

– Попомни мои слова, дружище! Нету никакого вдохновения! По крайней мере здесь, в Невендааре! Тебе кажется – ты придумал все это. А на самом деле – это духи нашептывают тебе...

– С чего ты взял? – удивленно поинтересовался я, даже сделал подряд две ошибки.

– Чутье! – проникновенно сказал Грош. – Верь моему чутью! Ведь поверил я твоей «сказке»? Поверил! А меня многие пытались обмануть – как бы не так! Огюста Гроша не проведешь на мякине!

Я не стал спорить. В конце концов, мне льстила такая оценка моего творчества. Правда, если приступы вдохновения всякий раз будут соседствовать со смертоубийством, я могу не успеть прославиться...

Так, легко и весело, мы вышли на равнину и вскоре увидели вдали какое-то серое строение. Приблизившись, поняли, что это – полуразрушенная башня, успевшая порости плющом и диким виноградом. К башне примыкали остатки совсем рассыпавшейся стены, фундамент которой терялся в высокой траве. Зрелище безусловно живописное, наводящее на размышления о давнем яростном сражении. И в голове моей немедленно стали возникать туманные сюжеты.

Грош же разглядывал сооружение с совершенно практической точки зрения.

– Похоже на пограничное укрепление, – заявил он. – Вряд ли мы найдем здесь что-то ценное, но и мимо проходить глупо...

Я не стал с ним спорить, и вместе мы перебрались через остатки стены, оказавшись в небольшом внутреннем дворе. Земля здесь была усыпана песком и мелким камнем, так что трава здесь почти не росла. В тени башни прятались какие-то обгоревшие деревянные балки. Войдя через провал двери в сырое нутро башни, мы убедились, что вся она выгорела изнутри, будто сожженная адским пламенем. Не осталось даже следов лестниц и перекрытий, и казалось, мы смотрим со дна глубокого колодца.

– Да... – проговорил Грош, поглаживая стену. – Не врут твои байки – война здесь хорошо прокатилась. Даже если и было, чем поживиться, все растащили те, кто сжег башню...

– Я чувствую, здесь случилось что-то ужасное, – проговорил я, невольно ежась. – Здесь все пропитано смертью...

– Твоим чувствам можно позавидовать, – пророкотал тяжелый низкий голос. Гулкое эхо заметалось в колодце башни, многократно отражаясь и создавая жутковатый эффект. – Смерть всегда будет царить в этих стенах...

Мы разом обернулись к двери.

Там, в неровном, разбитом проеме, стоял, нет – высился – человек могучего телосложения. Хмурый взгляд из-под косматых бровей, изрезанное морщинами лицо. В осанке его чувствовалось желание прикрыть лицо длинным тяжелым плащом – словно инстинкты толкали его каждую минуту уклоняться от опасности. Под складками этого плаща угадывался металл кольчуги, сверкали ножны короткого клинка.

Мы с Грошем осторожно переглянулись. А незнакомец продолжил:

– Мы держались десять долгих дней и ночей. Легионам Проклятых наша башня была как кость в горле. Лучники в кровь срывали пальцы, посылая стрелами летучих тварей. Одержимые черными волнами бросались на стены, и все вокруг было завалено их зловонными трупами. Берсеркеры крушили стены, горгульи плевались камнем и огнем, а воины Ада не желали умирать, восставая и восставая из мертвых, адскими мечами своими вырывая из наших рядов воинов...

Незнакомец замолчал, погрузившись в тяжелые мысли, затем глянул вверх, где в круге неба легкомысленно проплывали кудрявые облака. И продолжил:

– Но враг призвал Модеуса, и призвал тот Огненный Смерч, и пали защитники башни. И то, что лишь я, имперский ассасин, благодаря дару скрытности остался в живых в этом пекле, не дает мне покоя. Может, я не имел права покинуть поле боя, даже зная, что обречен? Может, мое место здесь, в земле, смешанной с людским пеплом?.. Земля эта, усеянная прахом воинов, что бились со мной плечом к плечу, для меня свята. Но что вы, чужеземцы, забыли здесь?

– Мы... Смотрим просто... – пробормотал Грош. – Суровая, незамысловатая красота старой крепости – как пройти мимо? Мы, бродячие поэты, такие чувствительные...

Ассасин просверлил его взглядом, глянул на меня – и я почувствовал прожигающую силу этого взгляда.

– Вы лжете, – сказал он. – Я не знаю, кто вы – мародеры ли, вражеские ли лазутчики...

– Я просто менестрель! – воскликнул я. – Мы вовсе не лазутчики!

– ...разбираться мне нет никакого желания, – закончил ассасин. – Для этого есть другие. Вы оба пойдете со мной.

Он по очереди ткнул в нас пальцем в кожаной перчатке с нашитыми металлическими пластинками.

– А если не пойдём? – довольно дерзко поинтересовался Грош.

– Тогда вы умрете, – спокойно ответил ассасин. – Последнее устраивает меня больше всего, так как избавит от лишних хлопот.

Сказать нам было нечего. Понутив головы, мы последовали вслед за воином.

Тогда я подивился собственной наивности и самонадеянности, что толкнула меня в этот долгий и опасный путь. Вспомнились мрачные пророчества шаманши – и это не прибавило мне веселья.

Только приятель мой не терял самообладания: поймав мой испуганный взгляд, хитро подмигнул мне.

Словно не ассасин подчинил нас своей железной воле, а пройдоха Грош незаметно пленил самого ассасина.

Что и говорить – ситуация зависит только от того, с какой стороны на нее взглянуть.

Глава шестая, в которой Империя раскрывает путникам свои объятия, чем не очень-то их радует

Мы брели вслед за ассасином, шагавшим твердо и быстро. Солнце было уже в зените и жарило нещадно. Вскоре я несколько расслабился, надеясь, что недоразумение разрешится как-то само собой, а этот суровый воин приведет нас в более или менее цивилизованное место, где найдутся люди, способные разобраться во всем спокойно и непредвзято.

Совсем успокоившись, я спросил:

– Скажите, уважаемый, если вы – воин Империи, значит, Империя все еще существует?

Ассасин нервно дернулся и скосил на меня сердитый взгляд:

– А с чего бы ей перестать существовать? Или ты желаешь ее гибели, подлый шпион?

Я несколько опешил. Пробормотал:

– Что вы... Я просто спросил... За морем думают, что весь Невендаар давно погиб в пучине войны темных и светлых сил. Выходит, это не так?

– Ты задаешь слишком много вопросов для того, по ком плачет виселица, – лениво отозвался ассасин. – Хочешь совета? Вот он: помалкивай, если не желаешь расстаться со своим длинным языком.

Наверное, после этих слов нервы не выдержали и у моего друга: Грош вдруг резко сорвался в сторону, как камень, брошенный из пращи, и принялся вовсю улепетывать по зеленой ложбинке меж холмами.

Ассасин остановился, задумчиво посмотрел беглецу вслед и со звоном выдернул из ножен длинный узкий кинжал.

– Не надо! – вскрикнул я. Но мой конвоир не слушал: не спеша, взвесив на руке клинок, он схватит его за лезвие, прищурился – и метнул с чудовищной силой вслед убегающему.

Свистнул воздух, раздался сдавленный крик – и Грош кубарем полетел в высокую траву.

– Вы убили его! – вскрикнул я. – Зачем – убил? – равнодушно пожал плечами ассасин. – Его интереснее приволочь живым...

Что он имел в виду, я понял, лишь подбежав к другу. Он со стоном поднимался на ноги. На спине не было видно крови, даже ткань его щеголеватой рубашки не пострадала.

Неспешно подошел ассасин, поднял кинжал. Перекинул из руки в руку и сунул обратно в ножны.

«Рукоятью!» – догадался я.

Однако каким мастерством надо обладать, чтобы так рассчитать силу и точность удара!

Попытки к бегству больше не повторялись. Тем более что вскоре мы вышли на разбитую дорогу – точнее, продавленную в дерне колею – и подошли к небольшой деревушке. Вполне себе обычная деревушка. Только по приближении стало понятно, что она пуста и мертва. Прохудившиеся соломенные и черепичные крыши, покосившиеся заборы, пустые глазницы окон. Воображение рисовало отвратительные картины: не сюда ли направлялись Легионы Проклятых, повергнув маленький пограничный гарнизон?..

Единственно, чего я не мог понять, – зачем мы направляемся в это мертвое селение? Ответ пришел сам собой: центральная улица упиралась в маленькую площадь, за которой виднелся небольшой храм Всевышнего.

Выглядел он так, словно сквозь него, как сквозь масло, прошли все силы ада: покрытые копотью стены, пролом почти во всю ширину фронтальной стены и такой же пролом по другую сторону.

По центру пролома, взирая на путников, неподвижно стоял седовласый человек в черной сутане. Ассасин приблизился к нему и остановился с почтительным поклоном.

– Приветствую вас, святой отец...

– Благословен будь, сын мой. Что слышно с окраинных земель?

– Трудно сказать. Много нечисти развелось на окраинах.

– Да, да... Людей не хватает, Империя все еще не оправилась от потрясений Великой Войны... Дьявольское отродье, пытавшееся разрушить храм нашей веры, не успокоится, пока не сгинет окончательно в адском пекле...

– Кстати, об отродье, – сказал ассасин. – Этих двоих я встретил на руинах сторожевой башни. Убежден, что они пришли с чужих земель и что-то у нас вынюхивали...

Внимание священника переключилось на меня и Гроша.

– Странно... – сказал он. – Это же вроде бы люди?

– Именно поэтому я не убил их на месте, – сказал ассасин. – Люди, адские твари под масками людей – не знаю. Говорят – пришли из-за моря...

– Вот как? Из-за моря? Зачем?..

– Так они утверждают. Но у меня есть подозрение, что они лгут. Я тоже так думаю. Я полагаю, это компетенция инквизиции.

– Действительно... – медленно сказал священник. В глазах его появился новый интерес. – Что может понадобиться у нас людям из-за моря?

Я не выдержал и сказал запальчиво:

– Это я и так могу рассказать! Только спросите!

– Спросите, спросите его! – взмолился Грош.

– Спрашивать тебя будут те, для кого получать ответы – призвание и святой долг, – сказал священник и жестом подозвал выплывшего из темноты храма тощего монаха. – Позови-ка брата Ферре. Он как специально заехал в нашу скромную обитель...

Инквизитор неторопливо вышел из провала в стене, словно привидение из глубины пещеры. Лицо его терялось под широкими полями шляпы, и, как могло показаться, он ничего вокруг себя не видел.

Однако он терпеливо выслушал наш сбивчивый рассказ. Казалось даже, вполне желательно.

Наконец он чуть приподнял голову, и я впервые увидел его взгляд – холодный, не оставляющий надежды на понимание.

– Как интересно... – тихо сказал инквизитор. – То, что вы упомянули про упавшую звезду, – очень занятно. Какое совпадение – я как раз направлялся в ту сторону...

– Я тоже видел летящую звезду, – сказал ассасин. – Похоже, они пришли с той стороны, где она упала.

– Это не так, – возразил Грош. – Звезда упала очень далеко, а мы шли через Драконьи скалы...

– Мы можем рассказать, что видели! – сказал я. – Это была необычная звезда...

Но нас не слушали, даже не смотрели в нашу сторону – словно мы вдруг стали невидимыми. Очень странное и неприятное ощущение: будто ты уже умер, и вокруг спокойно обсуждают подробности твоего предстоящего погребения.

– Это непростая звезда, брат Ферре, – сказал священник, словно в насмешку повторяя мои собственные слова. – Клянусь Всевышним – это знамение!

– Похоже на то, святой отец, – сказал инквизитор. – Но я бы попросил не распространяться об этом среди братии и паствы, пока консилиум инквизиторов не истолкует это событие надлежащим образом.

– Священной инквизиции виднее... – смиренно сказал священник. Послушник за его спиной испуганно захлопал глазами и скрючился в подобострастном поклоне.

Похоже, все здесь боялись брата Ферре. За исключением ассасина, прошедшего сквозь смерть и пламя ада.

– В свою очередь от ее лица выражаю вам благодарность, – милостиво произнес инквизитор. – Буду ходатайствовать о вашем повышении в духовной иерархии, святой отец. – Теперь же следует немедленно отправить послушника в ближайший гарнизон: пусть пришлют повозку и пару конных сквайров для сопровождения пленников.

– Зачем это?.. – побледнев, пробормотал я.

– Вас отправят в столицу, – поведал ассасин. – Ведь вы этого хотели, не так ли?

* * *

Повозка громыхла по камням древней дороги, за матерчатыми боковинами мерно цокали копыта коней. Я давно потерял счет времени – то ли столица Империи находилась уж очень далеко от места нашего пленения, то ли ехали мы слишком медленно.

Уж и не знаю, насколько важными пленниками мы считались – да только с самого начала нам запретили и нос высовывать за складки мешковины, накинутой на высокий каркас повозки, чтобы скрыть ее содержимое от посторонних взглядов. Снаружи нас стерегли сквайры, а внутри неизменно находилась пара хмурых стражников.

Поначалу стражники смотрели на нас настороженно, то и дело хватаясь за неудобные в столь тесной обстановке пики. Потом наступило сонное равнодушие, а вскоре они уже вовсю резались с Грошем в карты. Приятель мой и в этой обстановке времени зря не терял.

– Я хочу отыграться! – нервно требовал усатый стражник. – Сдается мне, ты, шельма, плутуешь!

– Как вы могли подумать, благородный рыцарь! – моргал Грош ясными глазами. – Только как вы будете отыгрываться, коль у вас монет не осталось?

– Ставлю шлем! – решительно заявил стражник.

Второй попытался одернуть коллегу, но усатый с одержимостью схватился за карты.

– Какой-то шлем у вас, милорд, мятый и поцарапанный, – с сомнением сказал Грош. – Разве вы добавите еще что сверху?

– Перчатки! – выдохнул усатый.

– Простите, милейший рыцарь, но перчатки вы проиграли в прошлый раз...

– Хорошо! Ставлю кольчугу! – заявил усатый и принялся стаскивать через голову бряцающую металлическую рубаху.

– А вы, благородный сквайр, не желаете ли присоединиться? – обратился Грош ко второму стражнику.

– Мне все еще дорога моя кольчуга, – сдержанно ответил тот. – Назовите меня хоть сквайром, хоть рыцарем, хоть паладином, но я уж точно не дурак. Хоть и умудрился продуть собственному подконвойному все свое жалованье...

– Отказаться от большой удачи – право каждого, – милостиво согласился Грош и повернулся к усатому, оставшемуся в грязноватой драной рубахе. – Итак, благородный, но бедный рыцарь, начнем игру...

– Погоди, – не выдержал второй стражник, принимаясь стаскивать с себя кольчугу. – Сдавай и на мою долю!

– Вижу не только благородного, но и отважного воина! – тасуя колоду, воскликнул Грош. – Смелых удача любит!

Поскольку любоваться проплывающими пейзажами позволено не было, ничего не оставалось, кроме как наблюдать за всем этим безобразием. Так у меня невольно родилась эта песенка, которую я тут же принялся напевать под звуки лютни, которую мне удалось сохранить при себе.

Попал в неволю старый плут,
Дела его плохи.
Ведь в подземелье его ждут
Сто крыс и две блохи.

И вот сидит, рыдает он,
Совсем уже раскис:
Сейчас съедят его живьем
Сто блох и девять крыс.

Но захватил в тюрьму наш плут
Колоду старых карт.
И крысы карты уж сдают,
И блох подвел азарт.

Свободу на кон ставил плут
И выиграл свой билет!
Другого крысы подождут,
Другим с блохой делить уют —
Спасибо, крапленный валет!

Невольню посмеялся над собой: никогда не думал, что начну писать эдакие воровские песни. Однако в нашем теперешнем положении и такой талант мог пригодиться.

Мы так и не увидели красоты столицы: деревянные колеса уже грохотали по шумным улицам, меня разбирало любопытство — но мы сидели, будто в мешке, не смея высунуть и носа. Наконец повозка остановилась. Раздался душераздирающий скрип ворот. Мы снова тронулись, снова донесся скрип.

Похоже, там, куда нас привезли, серьезно заботились о безопасности.

Наконец матерчатый полог откинулся, и важный голос приказал:

— А ну, выходи...

Я выпрыгнул первым. Следом полез Грош с охапкой выигранных вещей. Последовавшие следом стражники являли собой жалкое зрелище: настоящие голодранцы. Однако надо отдать им должное — с оружием они все же не расстались и, несмотря на позорное поражение в азартной битве, держались с достоинством и даже некоторым вызовом.

Я огляделся.

Наступали сумерки, но все же удалось разглядеть, что стояли мы посреди небольшого внутреннего двора какого-то здания, окруженные высокими серыми стенами из мощного булыжника, с редкими и узкими окошками-бойницами и массивными зубцами по кромке крыши. Постройка была величественной и настолько мрачной, что у меня сразу же душа ушла в пятки.

Сквайры сопровождения спешили и теперь стояли напротив, будто в ожидании чего-то. Старший из них с удивлением посмотрел на полуголых стражников, но ничего не сказал — словно не желал тратить слова на всякие глупости. Инквизитора Ферре не было видно: из обрывков разговоров сквайров стало понятно, что он отделился от группы, отправившись по своим секретным делам.

Ждать пришлось недолго. Испуганно фыркнули и попятились кони, сквайры опустили взгляды, прижав к груди правую руку и почтительно склонив головы, стражники же согнулись в поклоне.

Перед нами предстал человек в сутане, высокий и настолько бледный и тощий, что невольно вспомнилась встреча с нежитью. Глаза, провалившиеся в глубокие черные глазницы, свидетельствовали то ли о бессонных ночах, проводимых в нескончаемых молитвах, то ли о дьявольской сущности этого человека. Как я понял позже, оба предположения были близки к истине.

– Это те самые чужестранцы, отец Себастьян, – не поднимая головы, сказал старший из сквайров.

– Я вижу, – сухо, неприятным скрипучим голосом ответил человек, разглядывая нас без видимого интереса.

От этого взгляда веяло холодом Преисподней, и даже мой неугомонный друг притих и как-то сник.

– Что же, господа, – обращаясь к сквайрам, сказал отец Себастьян. – Вы проделали хорошую работу, Священная инквизиция вами довольна. Можете быть свободны... Хотя постоит... Подождите здесь до особого распоряжения.

Он сделал паузу, и стражники, которым, видимо, не терпелось поскорее сбежать, испуганно замерли. Сквайры ждали терпеливо, не теряя особого достоинства, которому трудно было не позавидовать.

– Забудьте об этих чужестранцах и обо всем, что с ними связано, – сказал отец Себастьян. – Любые разговоры будут караться смертью...

Подумав, добавил:

– Самой ужасной смертью.

Даже простые слова, произнесенные этим человеком, вызывали страх. Что говорить о такой угрозе! Правда, трудно было понять – отчего наше появление в столице и особенно во дворе этого мрачного здания, обставлено такой неприятной тайной?

Но в этот момент я наконец почувствовал недобрую атмосферу, царящую в этих землях.

Таким странным и пугающим образом Невендаар заключил нас в свои крепкие, холодные объятия...

Глава седьмая, в которой даются необходимые отступления и проступают из тьмы новые лица

Бедным путникам, пришедшим на земли Империи с тихих окраин, было невдомек, какие события надвигаются на израненный битвами Невендаар.

Именем своих богов расы эльфов, гномов, демонов и нежити стремились утвердиться на просторах Невендаара. Каждый из народов признавал лишь собственную правоту, и войнам не виделось конца. Никакие договоренности и союзы не могли предотвратить грядущих бед: правила устанавливают смертные, но боги не знают правил.

Ослабленная Второй Великой войной Империя только начала поднимать голову. Но, как это и бывает в неокрепших, не успевших встать на ноги государствах, ее разрывали внутренние противоречия.

Авторитету императорской власти, при которой народ Империи претерпел столько бед и страданий, был нанесен серьезный урон. Отныне люди больше верили Всевышнему, чем собственному повелителю, а священники вызывали больше доверия, чем знатные лорды.

Окраинные территории охранялись слабо, во владения Императора то и дело проникали непрощенные гости: где-то обосновалась нежить, где-то хозяйничали демоны, а где-то эльфы без зазрения совести уже начинали делить чужие земли с извечными противниками – гномами.

Город кишел вражескими лазутчиками, готовящими почву для падения столицы в грядущих войнах. Все еще крепкие стены разъедали враждебные проклятия и заклинания, ослабляющие мощь защитников Империи. Беззаконие царило на улицах столицы, доходили слухи о том, что великая Прорицательница предвещала городу гнев небес.

Да и во дворце было беспокойно – слишком много появилось желающих взобраться на шаткий трон.

В таких обстоятельствах слугам Всевышнего трудно было удержаться от соблазна потягаться за власть с самим Императором. Духовенство обрело все большее могущество, ревниво расправляясь с конкурентами – знатью и магами. Маги особенно докучали святым отцам своей независимостью и легкомысленным отношением к Писанию. И Церковь выдвинула вперед свою зловещую силу.

Инквизицию.

Основанная на подозрительности и коварстве, эта поначалу вспомогательная ветвь Церкви быстро захватила власть над духовенством. Теперь сама инквизиция и была Церковью.

Внушая ужас врагам, но еще больше – своим, она повсеместно насаждала волю Всевышнего, объявив прочих богов вне закона. Именем Великого Инквизитора пугали детей, попасть в лапы инквизиторов означало неизменные муки, а зачастую – гибель.

Впрочем, и в самом сердце Церкви, ее Священной инквизиции, было беспокойно. Великий Инквизитор Иоганн IV, жестокий и коварный интриган, стоявший у истоков взлета этого апологета веры, сам оказался мишенью для черной зависти собственных сподвижников. Верхушка инквизиции задумывала ни много ни мало переход власти в Империи от светской власти к Церкви. А значит, Великий Инквизитор, таким образом, становился бы полновластным правителем Империи.

Это сулило гораздо большее, нежели духовное служение. Такая власть способна вскружить голову даже самым набожным служителям, тем более что многие из них видели себя единственно верными носителями воли Всевышнего.

Таких становилось все больше. И отец Себастьян не был исключением.

Помощник Великого Инквизитора неторопливо шел по мрачным коридорам Магистрата. Немногие встречные монахи и рядовые инквизиторы испуганно жались к стенам, боясь встретиться с ним взглядом. Зловещее здание Магистрата больше напоминало тюрьму, чем резиденцию первого лица Церкви. Пламя масляных светильников по стенам дрожало, исходя удушливым чадом, придавая строгому интерьеру еще больше пугающей таинственности.

Но не эта аскетическая обстановка заставляла мрачнеть отца Себастьяна. Куда больше его беспокоили люди.

Люди, с их жалкими страстями, мелочными желаниями и смертными телами. Жалкие существа, способные притом легко разрушить грандиозное здание Веры, веками отстраиваемое во имя Всевышнего.

Но он, Себастьян, не допустит катастрофы.

Ведь в руках у него нити, которыми можно играючи управлять сильными мира сего – при известном навыке, разумеется. Но главная сила в другом.

В знании, которое пока имеется у него одного. И пока это знание не станет достоянием толпы – оно будет помогать ему в восхождении к высотам власти.

Во имя Всевышнего, разумеется. Да пребудет во всем его воля, да ниспошлет он благословение своему верному рабу Себастьяну...

...Покои Великого Инквизитора охранялись столь тщательно, что даже его верному помощнику пришлось дожидаться, пока суровые стражи из числа наиболее преданных послушников не осмотрят его лицо, будто видят впервые, не изучат перстень инквизитора на тощем пальце и пергамент с массивной печатью.

Тем временем вернулся посланный с докладом послушник и, склонившись, смиренно сообщил:

– Его святейшество ждет вас, брат мой...

Отец Себастьян сдержанно кивнул и вступил на территорию священных покоев.

Обстановка здесь разительно отличалась от хмурого монашеского стиля других помещений. Не было, правда, и излишней пышности. Но мрачная роскошь, царящая в зале для аудиенций и кабинетах Великого Инквизитора, приводила в замешательство визитеров и смущала умы помощников.

«Все дело в роскоши, недостойной духовного лица, – мрачно думал отец Себастьян. – Великий Инквизитор уже вообразил себя Императором».

Такая поспешность некоторым виделась признаком слабости, хотя, глядя на Самого, никто даже и думать не мог о подобном. Просто брали на заметку.

Инквизиторы – жестокие и мстительные люди, ведь им каждодневно приходится сталкиваться с ложью, ересью, происками магов и демонов, сохраняя при этом истовую веру в единственно верного бога. Себастьян прекрасно понимал, с кем имеет дело. А потому старался выглядеть самым лояльным и преданным помощником главы Церкви.

Великий Инквизитор Иоганн IV восседал в огромном кресле, спинка которого, черного дерева, покрытая церковной символикой и цитатами из Писания, высилась над головой мрачной башней, с вершины которой с подозрением взирал на вошедшего лик Всевышнего. Рядом стоял столик на изогнутых ножках, заваленный бумагами, придавленными толстым, с серебряным переплетом, томом. Мерно струился песок огромных песочных часов: Великий Инквизитор умел ценить время. Его святейшество изучал бумаги, и не нужно излишней проницательности, чтобы понять: большинство из них – доносы. Причем в большей части доносы членов братии друг на друга.

– Ваше святейшество... – Отец Себастьян скрючился в поклоне.

Не отрываясь от чтения, Великий Инквизитор небрежно протянул руку. Себастьян приблизился и припал губами к пухлым пальцам, униженным перстнями.

Он каждый раз чувствовал унижение и злобу, целуя руку этого самодовольного интригана: ведь только в нем, Себастьяне, воплощается истинная воля Всевышнего, и место в этом кресле по праву принадлежит ему!

Но даже мускул не дрогнул на бледном лице. Слишком важны его цели, чтобы давать волю эмоциям.

– С чем пожаловал, брат Себастьян? – мощным баритоном поинтересовался Великий Инквизитор.

Этот голос был одной из причин стремительного взлета отца Иоганна, некогда рядового инквизитора в затерянном провинциальном городке. Его проповеди заставляли трепетать сердца простых прихожан, и братья-священники считали его чуть ли не новым пророком. Убеждением и угрозами отец Иоганн пробился на вершину церковной иерархии, умело подчинив себе инквизицию и вдохнув в нее зловещий огонь очищения.

И этому голосу больше всего завидовал отец Себастьян. В своих темных мечтах он нередко представлял себе, как в темной пыточной калеными щипцами вырывает этот ненавистный язык...

– В Магистрат доставили странных чужестранцев с окраин Империи. Пленивший их ассасин утверждает, что прибыли они со стороны упавшей звезды...

– Упавшая звезда... – отрывая взгляд от бумаг, произнес Великий Инквизитор. – Похоже на пророчество.

А Иоганн по-прежнему проницателен! Единственный минус столь высокого положения – это бесконечная отдаленность от источников достоверной информации и необходимость полагаться на сведения, получаемые от помощников. В свою очередь, помощники, действуя от имени Великого Инквизитора, обладают всей полнотой его полномочий.

Глупо не пользоваться таким преимуществом.

– Поверенный мой, брат Ферре, тоже так считает... – кивнул Себастьян.

В таких скользких вопросах лучше всего ссылаться на нижних чинов – с них меньше спрос, да и избавиться от них проще – если возникнет такая необходимость.

И главное – ни в коем случае не указывать истинный источник сведений.

Пока его святейшество сам не узнает о том, что сказала Пророчица...

Если к тому времени все еще будет в живых.

– Что ты намерен предпринять, брат мой? – прищурился Великий Инквизитор.

– Как обычно – допрос с пристрастием, – ответил отец Себастьян. – Мы извлечем из них все, что они знают. И даже чуть больше – знаете, как это иногда случается...

Оба негромко рассмеялись.

Старая шутка – про показания, данные под пытками. Как известно, сведения, полученные при допросе с пристрастием, бывают двух видов: те, что нужны для установления истины, и те, что сгодятся для суда. Инквизиторские палачи, увлеченные любимым делом, зачастую путали эти два вида, превращая допросы в кровавый фарс.

– Безусловно, – отсмеявшись, сказал Великий Инквизитор. – Только стоит подумать: не лучше ли будет использовать чужестранцев в своих интересах? Если они действительно явились из-за моря, значит, в Невендааре они лица новые. А это полезно для шпионажа и других деликатных поручений...

Себастьян прикусил губу: проклятый старик будто читал его мысли! Надо как можно скорее покончить с ним, пока он не вник в коварные замыслы собственного помощника...

Но вслух сказал:

– Вы, как обычно, смотрите на пару шагов вперед, ваше святейшество. Какая интересная мысль – использовать чужестранцев в наших целях! Действительно, сделай мы из них наших лазутчиков – трудно будет понять, откуда веревочка вьется. Ведь у них – чистое прошлое и готовые легенды... Вы – просто мастер комбинаций, ваше святейшество!

– Да, да... – благосклонно улыбнулся Великий Инквизитор.

Падкость на лезть – вот одна из его главных слабостей, с которыми не место во главе Священной инквизиции.

– Разрешите действовать по высшей ступени тайны? – проговорил Себастьян.

Великий Инквизитор на миг задумался.

Высшая ступень тайны означает устранение всех свидетелей. В том числе – конвойных, что доставили пленников, и инквизиторов, которым предстоит вести допросы. Такой расход людского материала требует серьезного обоснования.

– Хорошо, – решил Великий Инквизитор. – Действуйте по своему усмотрению. Но не забудьте поставить меня в известность о результатах...

Отец Себастьян склонился, с трудом сдерживая довольную улыбку.

Посреди пустынного внутреннего двора стояли в ожидании два сквайра, и скучала, рассевшись на земле пара рядовых стражников. Последним вернули проигранные вещи, и теперь они не являли собою столь позорное и жалкое зрелище, как по прибытии в Магистрат.

Внезапно старший из сквайров насторожился:

– Друг мой, не кажется ли вам странным, что нас столь долго задерживают здесь?

– Так и есть, почтенный друг мой, – кивнул второй и с прищуром огляделся. – Эту затянувшуюся тишину я нахожу более чем зловещей.

– Не считаете ли вы, что имеет смысл открыть себе выход оружием? – продолжил старший.

– Не могу отвергать такой возможности. Ибо...

Второй сквайр не успел договорить: прямо перед ними, насквозь пробитые длинными стрелами, повалились стражники.

– Стреляют из бойниц, – невозмутимо сказал старший сквайр. – Боюсь, что Всевышний по нам соскучился...

– Для меня было бы честью предстать перед Всевышним в вашем обществе! – сказал второй.

В следующий миг оба со звоном выхватили мечи. И тут же, со свистом рассекая воздух, замелькали стрелы. Оба ловко увертывались от попаданий, младшему удалось даже перерубить пару стрел прямо на лету. Зато досталось одной из лошадей – стрела попала ей в круп. Обезумев, лошадь металась по дворику, пока не собрала в себя еще несколько беспорядочно мечущихся стрел и не упала замертво.

Сквайры со всех ног бросились к воротам. Как и положено воинам, они не боялись смерти, но были готовы дорого продать собственные жизни.

Но что стоит храбрость против коварства? Навстречу бегущим метнулось нечто, куда более тяжелое и неуловимое, чем пущенная из лука стрела. И старший сквайр болезненно вскрикнул и повалился на спину, словно отброшенный ударом крепкого кулака. С трудом приподнялся на локте, осматривая себя.

Из широкой груди его торчал массивный арбалетный болт.

– Это подло... – прохрипел он. – Друг мой...

В следующий миг второй рухнул рядом – лицом вперед. Точно такой же болт, попав ему в затылок, торчал острием из глаза.

– Измена!.. – прошептал старший и повалился замертво.

Мертвая рука продолжала крепко сжимать рукоять меча.

Как и подобает воину Империи.

Глава восьмая, в которой несчастные герои знакомятся с кухней инквизиции и не находят ее аппетитной

Понятия не имея о сгущающихся вокруг нас тучах, мы брели по темному коридору в сопровождении четырех огромных рыхлых верзил, которых язык с трудом поворачивался назвать монахами. Хотя, возможно, отъестся до столь впечатляющих размеров было своеобразным видом послушания. Двое шли позади нас, двое – впереди, сверкая выбритыми макушками, смиренно сложив на животах мощные руки. Но я ни на миг не сомневался: задумай мы что – эти четверо свернули бы нас в бараний рог, вдавив в каменный пол своими необъятными телесами.

– Куда нас ведут? – поинтересовался Грош.

– Не велено разговаривать, – лениво, высоким голосом сказал один из шедших позади.

– Мы есть хотим!

– Не велено, – повторил верзила.

– Я сейчас свалюсь от усталости – придется вам меня тащить! – не унимался мой приятель.

– Не доводи до греха, – повторил верзила, и в голосе его послышалась угроза.

Я хотел было поинтересоваться, куда дели мою сумку и лютню, но прикусил язык: терпение этих увальней могло и лопнуть.

Коридор извивался, уходя куда-то вниз, и, наверное, вел в подземелье. Из стен торчали чадающие факелы, от которых было больше удушливой вони, чем света, и я даже обрадовался, когда нас втокнули в просторное помещение с покатыми сводами и грубыми колоннами по центру.

Впрочем, радость моя была недолгой.

Я, конечно, никогда не видел подобного и в своих наивных фантазиях даже представить себе не мог, что такое существует в действительности. Все, что я знал, – это жуткие истории, поведенные бродячими рассказчиками. Но то, что они рассказывали, вполне могло быть обыкновенными страшными сказками – теми, что разбавляют скучную повседневность, заставляя почем зря леденеть кровь и колотиться сердце.

Но вот они, перед глазами, – эти страшные сказки в виде вбитых в стены крючьев, свисающих на цепях кандалов, кошмарных деревянных устройств, о назначении которых даже думать не хотелось. Вот она, пылающая жаровня и все мыслимые виды клещей, разложенных рядом. Вот потемневшие колодки с дырами для рук и головы, а вот – небрежно брошенная на лавку железная маска с воронкой, торчащей изо рта. Ради Всевышнего – зачем изо рта торчит воронка, что туда можно вливать?!

– Тихо, тихо... – Я почувствовал, как Грош ободряюще хлопает меня по плечу. Наверное, последнюю фразу я выкрикнул вслух.

– А это по случаю, – сказал незаметно приблизившийся человек, поднимая маску и любовно поглаживая ее. – Когда – воду, когда – кипящее масло, а когда и расплавленное олово...

Был он столь же громаден, как и наши сопровождающие, но этим обязан не слою сала, а в могучим мышцам. Облачен он был лишь в длинный кожаный фартук и кожаные перчатки. Здоровяк был совершенно лыс и весь лоснился от пота.

Я сразу почувствовал царящий здесь удушливый запах – смесь вони человеческой плоти и страха. С потолка капала вода, но мне показалось, что это – капли человеческой крови.

Монахи оставили нас, удалившись и прикрыв за собой низкую, но чрезвычайно крепкую дверь. А лысый громила ласково, по-отечески, обхватил нас за плечи и легко потянул за собою. Подвел он нас к деревянной скамье и ловко сковал наши ноги деревянными колодками – так, что я даже ничего не почувствовал, но понял: встать отсюда я не смогу. Пока этого не захочет этот тихий, но вместе с тем жутковатый человек.

Не сразу я заметил перед собой грубый деревянный стол, за которым скучал человек в монашеском одеянии. Ему, очевидно, было прохладно: на голову он накинул мешковатый капюшон и зябко потирал руки, время от времени протягивая их к толстой оплившей свече в грубом подсвечнике.

– Сейчас, сейчас! – заверил нас человек. – Подождите немного, скоро придет брат экзекутор – и начнем!

– Да мы, собственно, никуда не торопимся, – заметил Грош. – Но, может, вы объясните, что с нами хотят сделать?

– С вами? – задумался человек. – Хм... Я не в курсе дела. Это смотря по какому делу вы у нас проходите. Видите ли, я просто писарь, мне не докладывают. Но ежели, скажем, вы по верноподданническому доносу сюда попали – ясное дело, начнут с дыбы. Ежели с подачи императорского шпиона, тут, естественно, без клещей не обойтись. Ну а если вас уличили в преступлении против веры, в колдовстве или алхимии – тут уж на усмотрение брата инквизитора, сами понимаете...

– Вот влипли... – тоскливо протянул Грош. – Это все ты: «За вдохновением, за вдохновением!»

– Вот еще! – возмутился я. – А кто мне предлагал объединиться для совместного грабежа?!

– Любезные, убедительно вас прошу – не начинайте, пока брат экзекутор в пыточную не подошел! – взмолился писарь, выхватывая из-за уха гусиное перо. – У меня ж бумаги нет, чтобы записать все! И чернила закончились!

– Вот и мучайся! – мстительно сказал Грош. – Всевышний все видит – отправит тебя в ад, к Проклятым, за эдакую работу!

– Не отправит, – заверил писарь. – Мне по службе ежемесячная бесплатная индульгенция положена за вредность...

Неизвестно, сколько бы мы еще препирались, если бы не заскрежетала обитая железом дверь и в пыточной не появился невысокий худощавый человек в монашеской одежде, но с каким-то свисающим с шеи массивным знаком на толстой цепи. Он подошел к столу, со стуком водрузил на него огромную чернильницу и положил рядом стопку бумаги.

– Скучаешь, брат писарь? – спросил он без особого, впрочем, интереса.

– Как тут не заскучать, без дела-то! – подобострастно осклабился писарь.

– Эй, любезный, – вежливо обратился к пришедшему Грош. – Это какая-то ошибка. Зачем мы здесь?

Вошедший не обратил на нас ни малейшего внимания. Обстоятельно усаживаясь на грубый стул с отполированной спинкой, он снова обратился к соседу:

– Как новая келья, брат писарь?

– Благодарение Всевышнему и вам, почтенный брат экзекутор! – расплылся в улыбке писарь. – Где это видано, чтобы писарю – отдельная келья! Благодарствую!

– Отпустите нас! – взмолился я. – Мы и вправду ничего не знаем! Это недоразумение!

– Мы мирные путники! Менестрели мы! – чуть ли не пропел Грош. Признаться, очень убедительно.

Но экзекутор даже глазом не моргнул. Он казался совершенно непробиваемым.

– Служи прилежно, брат писарь, и я буду ходатайствовать, чтобы тебя взяли в ученики...

– Как это великодушно с вашей стороны!

– Походишь с годик в учениках, а там, глядишь, станешь полноправным охотником на ведьм. Ну а дальше все от тебя зависит...

Смотреть на восторги писаря было невыносимо. Происходящее настолько не вязалось с романтической картиной Невендаара, которую выстроил я в своем сознании, что все это, казалось, происходит не со мной. Неунывающий Грош тем временем становился все более мрачным, и это казалось мне особенно дурным признаком. Представить, что с нами будет дальше, я просто не мог – ум отказывался впускать в воображение ужасные картины.

– Что ж, – сказал экзекутор, – начнем, помолясь...

– Хвала Всевышнему! – сложив руки лодочкой и воздев очи к закопченному потолку, проблеял писарь. – Помоги нам, грешным, в нашем праведном деле, спаси души этих несчастных грешников и открой их уста, дабы услышали мы их слова и смогли отличать правду от происков лукавого...

– Хвала Всевышнему, хвала... – довольно формально бросил экзекутор.

И впился в нас взглядом маленьких черных глаз. Странное дело – при всей пугающей колкости этого взгляда он показался мне совершенно пустым. Наверное, так смотрят не на живых людей, а на камень, когда в голове нет никаких мыслей. Или когда думают о чем-то другом, только не о том, на что глядят. А может, этот человек настолько привык смотреть на закованных в колодки испуганных узников, что они просто перестали казаться ему живыми людьми.

Я тут же представил себя мертвым и брошенным истлевать в холодном подземелье. Ничего не подделаешь, воображение поэта – опасная штука. Мне вдруг стало настолько страшно, что я лишился чувств.

...Очнулся от потока ледяной воды: надо мной стоял тот самый лысый палач, на этот раз – с деревянной лоханью в руках.

– Ну! Ну, друг! – проворчал он. – Рано ты решил в обморок падать.

И поведал экзекутору:

– Слабенький он какой-то...

– Все у нас гораздо слабенькими прикидываться, – усмехнулся экзекутор. – Видать, искусный лазутчик, раз мастер эдакие притворства чинить!

– Я не лазутчик... – слабо проговорил я. – И притворяться вовсе не мастак...

Грош смотрел на меня совершенно затравленно, втянув голову в плечи. Наверное, пока я лежал без чувств, с ним уже успели провести беседу, и вряд ли приятную.

– Это мы сейчас и выясним, – доверительно сообщил экзекутор. – Гм...

Писарь с готовностью схватился за перо, азартно макнул его в чернильницу, ойкнул, отпрянув:

– Ой, я, кажется, кляксу поставил...

– Когда кажется, молиться надо, – проворчал экзекутор. – Казенную бумагу надо беречь. Ее выдают немного, это подозреваемые не кончаются – хоть печку ими топи...

– Хорошая мысль! – хихикнул писарь, подмигивая нам с Грошем.

Палач за спиной хмыкнул, но мы с приятелем не оценили шутку.

– Ладно, – брезгливо сказал экзекутор, перебирая исписанные листки бумаги. – Поговорим о деле. У нас есть сведения, что вы пришли со стороны Драконьих скал. Так ли это?

– Истинная правда! – воскликнул Грош. – Вот сразу видно благородного и справедливого господина! Если уж говорить правду – так правду!

– Брат Одрион, приведите мерзавца в чувство, – устало сказал экзекутор.

К моему приятелю приблизился палач и отвесил тому несильный с виду подзатыльник. Тем не менее Грош повалился на бок и отчаянно завопил. Наверное, не будь на ногах колодок – улететь бы ему с лавки!

– Заткнись, – спокойно сказал палач, – или огрею снова...

Грош замолчал, тихо всхлипывая.

– Так-то лучше, – прокомментировал экзекутор. – Отвечать только на мои вопросы! Понятно?

– Да! – в голос отозвались мы.

– Тогда продолжим. Откуда вы пришли к Драконьим скалам?

– Через перевал мы пришли, – с готовностью поведал Грош. – От озера. А к озеру приплыли на ладье, а до этого через море переплыли...

Писарь перестал скрежетать пером, посмотрел на Гроша, затем на инквизитора и заявил:

– Следы путают! Ни дать ни взять!

– Пиши да помалкивай! – прикрикнул на него экзекутор. – Будешь много болтать – не бывать тебе охотником на ведьм!

Писарь втянул голову в плечи, притих и уткнулся в листок с записями.

– Зачем лгать? – поинтересовался экзекутор. – Признайтесь – вас подослали эльфы!

– Почему именно эльфы? – удивился я.

– Ага! – Палец экзекутора уткнулся в меня. – Значит, все-таки гномы? Я так и подумал: не зря у вас обнаружили гномий амулет!

– Разве мы похожи что на тех, что на других? – спросил я. – Какие же мы гномы! Видел я одного гнома – он же уродливый!

– Хотите сказать, вы идеал человеческой красоты? – зловеще усмехнулся экзекутор. – Судя по вашей глупости, незнанию законов и обычаев Империи – вы самые настоящие оборотни! А что стоит опытному магу изменить вашу внешность или отвести глаз смотрящему? Конечно, вряд ли вы нежить или демоны – но и этого исключать нельзя... Кстати, что означает найденный у вас зуб дракона? Талисман? Орудие для наведения порчи? А может, он выпал из пасти одного из вас?

От такого заявления у меня отпала челюсть. А экзекутор задумался, разглядывая нас, и произнес:

– Жаль, что магов так не любят в нашем ведомстве. Уж они бы вмиг раскусили вас, проклятые оборотни! Но ничего, наши методы хоть и попроще, но не менее действенны...

– Что еще за методы?! – испуганно пискнул Грош.

– Сейчас вы с ними познакомитесь, – пообещал палач и задумчиво поскреб складчатую шею. – С чего бы начать? Может, с кипящего масла? Нет, это после. На десерт, так сказать. Да и масло нынче в цене... Пожалуй, лучше смолу вместо масла. Правда, коптит сильно, еще угорим... Может, на крюк за ребро подвесить?

– За ребро всегда успеется, – сказал экзекутор. – Сдается мне, что оборотней надо жечь каленым железом, освященным епископом. Так, кажется, говорил мой наставник, а уж он этой нечисти повидал – дай бог каждому!..

Я похолодел. Руки и ноги мои онемели. Ведь я с детства не выношу боли! Хотелось кричать, протестовать – но силы разом оставили меня, сделав похожим на тряпичную куклу.

– Как скажете, – осклабился палач, хватая меня под руки и уводя к жаровне. – Вы мне только прикажите – а уж я свое дело знаю!

Приговаривая и напевая себе под нос, палач принялся подкидывать в жаровню угли и засовывать в огонь клещи и другие, не менее чудовищные инструменты. Смотреть, как они раскаляются докрасна, было просто невыносимо. Мне уже чудилась вонь моей же паленой плоти.

И я снова потерял сознание.

Очнулся я от режущего уши крика. Неистово вопил Грош, которого палач терпеливо подвешивал за руки к жуткой конструкции – цепи, что шла к потолку и, перекинутая через блок, цеплялась к зубчатому механизму с торчащей сбоку рукоятью. Грош извивался, кусался и ругался так, Всевышний, не выдержав, должен был убить его на месте громом и молниями. Но, видимо, пыточная не зря была устроена в глубоком подземелье, и Всевышний нас не слышал. Демоны же Преисподней, наверное, просто брезговали нами.

Не скрою, находясь в объятиях ужаса, я уже попрощался с жизнью. Думаю, похожее ощущение испытал и Грош.

И в эту самую, как нам казалось, последнюю минуту случилось чудо. Думаю, хорошо подготовленное, заранее рассчитанное чудо. Но какое до того дело двум несчастным, обезумевшим от страха людям?

Дверь заскрежетала, и в пыточную, нагнувшись, вошел тот, кого мы первым встретили в этих гостеприимных стенах.

Отец Себастьян.

– О, вы здесь? – делано удивился он. – А я-то думал – куда запропастились наши гости? Думал, их уже накормили и пристроили на ночлег – а они в подземелье развлекаются!

Наверное, такой речью отец Себастьян желал произвести на нас определенный эффект. Надо сказать, ему это удалось.

– Братья, освободите их, – виновато, почти ласково сказал отец Себастьян. – Сдается, мы несколько перестарались с присущим нам гостеприимством...

Что я, что Грош – мы оба смотрели в рот отцу Себастьяну, словно тот не был одним из зловещих инквизиторов, а явился нам в образе крылатого ангела. Он виновато улыбнулся и развел руками:

– Что ж, такова наша работа – подозревать и добиваться истины. Слишком много нечисти развелось у границ Империи, слишком много врагов – и внешних, и внутренних. Увы, случаются и печальные ошибки... Надеюсь, вам не успели нанести никаких повреждений?

– Что вы, что вы! – воскликнул Грош, потирая запястья, освобожденные от стягивающих железных колец. – Здесь очень даже мило! Нам, трубадурам, в некотором роде это даже полезно... э-э... для полноты впечатлений. Не так ли, Свидрик?

Я нашел в себе силы лишь для того, чтобы молча кивнуть. Происходящее было вне моего понимания и выше всяких моих сил.

– Вот и славно, – сказал отец Себастьян и обратил свой взор на терпеливо ожидающих писца и экзекутора.

– Вы, братья, можете быть свободны. И вы, милейший Одрион, тоже.

– Но...

– Оставьте нас одних. – В голосе отца Себастьяна послышались твердые нотки. – И проследите, чтобы никто не ошивался под дверью. Мне нужно поговорить с молодыми людьми наедине...

И вот мы остались в этом жутком подземелье наедине с отцом Себастьяном. Удивительное дело: если поначалу он представлялся мне крайне неприятным типом, то теперь, после всего, что с нами произошло, он казался милейшим человеком на свете.

Меня все еще трясло, и я толком не мог понять – жив ли я или давно уже на небесах? В таком случае небеса представлялись очень похожими на камеру для пыток, что вряд ли логично. Потому я скорее жив, чем мертв. А радоваться ли данному обстоятельству – я также не имел понятия...

Отец Себастьян занял место за столом. Но не на стуле своего коллеги, а на скромном табурете писаря, чем невольно еще больше усугубил наше к нему расположение.

Я постепенно возвращался в реальность, Грош же всюду скалился, потирая щиколотки, освобожденные от колодок.

– Вы, я вижу, ребята не промах, – доверительно заговорил отец Себастьян. – Не дрогнули, не испугались пыток. Это хорошо...

Я невольно потупил взгляд, чувствуя, как лицо мое заливается краской. Но отец Себастьян, этого будто не заметил, продолжив:

– Как раз такие храбрецы мне и нужны.

– Позвольте полюбопытствовать – какой толк вам от чужестранцев? – вновь обретя былое нахальство, спросил Грош. Я было шикнул на него, но тут же понял, что это бесполезно: его жизнелюбивую, склонную к авантюрам натуру ничем не прошибешь.

Отец Себастьян понимающе кивнул:

– Конечно же, вы имеете право знать это. Есть одно очень серьезное дело, и вы вернулись как нельзя кстати. То, что вы чужеземцы, очень мне на руку: вы никого не знаете, вас не знает никто. Для обитателей Невендаара вы – чистый лист. И я намерен вписать в него свои собственные планы...

– Что же это за планы? – спросил я. – Чего вы от нас хотите?

– Очень просто, – сказал отец Себастьян. – Полного повиновения и беспрекословного исполнения моих приказов.

– Это мы запросто! – легко заявил Грош.

И осекся, наткнувшись на взгляд инквизитора.

– Я вижу, вы не совсем понимаете серьезность своего положения, – проскрежетал он.

В этот момент все мои иллюзии рассеялись.

Не был этот человек никаким благодетелем. И в пыточную он зашел не случайно. Все, что нам пришлось пережить, было лишь частью спектакля, призванного сломить нашу волю.

Что ж, это ему удалось. По крайней мере – на тот момент.

– Вы не сможете удрать, – продолжил отец Себастьян, сверля нас неприятным, пронзительным взглядом. – Вы всегда будете на виду у специально обученного человека. Кроме того – вся Империя наводнена агентами инквизиции и всюду есть опытные и ловкие охотники на ведьм. Да и что там говорить – чужестранцам не скрыться в Невендааре. Вы у меня на крючке.

То, что говорил этот человек, звучало крайне неприятно. Но я все равно не мог представить себе ничего ужаснее пыток.

– Похоже, у нас нет выбора... – с надеждой глядя на приятеля, неуверенно произнес я.

– Хм... – деловито прищурившись, тоном важного торговца протянул Грош. – А если мы откажемся?

Я в ужасе закатил глаза. Но нашего «благодетеля» этот, мягко выражаясь, бестактный вопрос ничуть не смутил.

– Можете, конечно, и отказаться, – спокойно сказал он. – Тогда сделаем вид, что этого разговора не было и я случайно не заходил в это скорбное место. Сюда вернутся ваши добрые знакомые, и допрос продолжится до тех пор, пока вы не признаетесь, что под человеческими личинами в вас скрываются демоны...

– Эльфы... – зачем-то поправил я, и Грош посмотрел на меня как на безумца.

– Вот именно, – сказал отец Себастьян. – Итак, я в последний раз задаю вам этот вопрос...

В этот момент не выдержали ни я, ни мой незадачливый помощник. И мы выпалили торопливо, в один голос:

– Мы согласны!

Глава девятая, в которой друзья знакомятся с магом и терзаются сомнениями

Нас вытолкнули из крытой повозки посреди какого-то грязного переулка. Задумчивый мул утащил кособокое сооружение на колесах, а мы стояли неподвижно, все еще не в силах поверить, что живы и снова на свободе. Уже наступил рассвет, и пробивающееся меж домов солнце прогоняло ночные страхи.

Первым очнулся Грош.

– Дела... – протянул он.

– Да... – безжизненно отозвался я.

Грош повел носом и скривился: в переулке действительно изрядно воняло.

– Пойдем, дружище! – решительно сказал Грош. – Пока наш новый хозяин не одумался и не решил вернуть нас в свое уютное подземелье.

Мы вышли из переулка, прошли пару тесных кособоких кварталов, где дома норовили прижаться крышами, будто пьяные, помогающие друг другу держаться на ногах. Кругом были зловонные лужи, шныряли наглые коты, крысы и свирепого вида собаки, над головой сушились целые заросли тряпья.

Можно было подумать, что вся столица состоит из таких трущоб. Но мы заблуждались.

В какой-то момент, сделав всего один шаг, мы оказались на широкой мощеной улице с красивыми и порою роскошными фасадами домов, лавками и вывесками ремесленников. Словно ниоткуда возникла пестрая толпа горожан – от босоногих мальчишек до важных, богато разодетых господ.

Грош не замедлил присвистнуть, заведя парочку миловидных девиц. Те захихикали, скромно потупив взгляды, и я готов поклясться – одна одарила лучезарным взглядом меня, скользнув взглядом по людне, что снова была со мной. Такое внимание вернуло меня к жизни после безнадежности сырых подвалов инквизиции. Я улыбнулся в ответ.

Впрочем, реальность тут же напомнила о себе: мимо с дьявольской улыбкой на лице неспешно прошел молодой человек в облачении охотника на ведьм. Толпа уступала ему дорогу, обтекая, как прокаженного.

– Весело у них в столице, – заметил Грош. – Атмосфера душевная, ничего не скажешь!

Я кивнул. Честно говоря, я по-прежнему не мог поверить, что легендарная Империя все еще существует, что бурлит столичная жизнь. Это было странно – ведь я считал все это канувшим в историю, оставившим свой след лишь в туманных сагах. Странно было думать, что сейчас я сам становлюсь участником какой-то новой и довольно мрачной истории...

Оборвав поток бессвязных мыслей, я схватил Гроша за руку:

– Смотри, смотри! Это же маг!

Действительно, в нашу сторону неторопливо приближался важный старец в остроко- нечной широкополой шляпе, с длинной седой бородой. Одевание его было украшено изобра- жениями звезд и тайными рунами, опирался же он на длинный посох. У ног его, то забегая вперед, то чуть отставая, то отвлекаясь на голубей и бродячих кошек, шествовал огромный черный кот с сияющими желтыми глазами. Трудно даже сказать, кто меня больше поразил – сам маг или этот удивительный зверь.

Прохожие спешили поклониться магу, жадно ловя его взгляд, а вслед семенили маль- чишки с явным желанием ухватить его за подол, волочащийся по камням мостовой, но при- том удивительно, сверкающе чистый.

Шедший навстречу магу охотник на ведьм остановился, сложив на груди руки, и смеялся того с головы до ног презрительным взглядом. Маг же, напротив, сделал вид, что не заметил такого неприятного внимания. Лишь его кот сделал пару мягких шагов в сторону охотника и вдруг, ошестинившись, громко и страшно зашипел. Охотник на ведьм прищурился и демонстративно плюнул в сторону кота. Но тот непонятным образом вновь оказался под ногами мага и семенил вперед как ни в чем не бывало.

Публика с любопытством наблюдала это занятное зрелище. Я уже понял, что между инквизицией и магами отношения довольно натянуты, но данная встреча в открытый конфликт все же не перешла.

Зато произошло другое, более для меня удивительное событие.

Проходя мимо нас, маг, с достоинством глядевший прямо перед собой, вдруг замедлил шаг и обратил в нашу сторону взгляд своих темных, спрятанных под густыми седыми бровями глаз.

Такого взгляда мне еще не доводилось встречать. Глубокий, будто затягивающий в неведомую пучину и одновременно пробивающий насквозь. Не добрый и не злой, но удивительно мудрый, теплый и... немного печальный.

В душе вихрем закружилось слишком странное сочетание чувств, чтобы просто описать словами. Поверьте на слово – когда вы, почтенный читатель, встретите мага, сами поймете, что я имел в виду.

А тогда мы стояли, замороженные этим взглядом, и люди потоками обтекали нас, будто не замечая странную тройцу, замершую посреди шумной улицы.

Я пришел в себя, почувствовав, что меня настойчиво хотят повалить наземь. Опустив глаза, увидел, что о мои ноги с урчанием трется здоровенный черный кот, и шерсть его трещит, рассыпаясь синими искрами. Оставив попытки спихнуть меня с места, кот принялся деловито присматриваться к Грошу.

– Не бойтесь Густава, – с улыбкой сказал маг. – Он выражает свое почтение – значит, я в вас не ошибся.

– Надо же, какая удача! Как раз сегодня ночью еще один добрый человек в нас не ошибся, – усмехнулся Грош, но замолчал, прикусив язык, под моим взглядом.

– Правильно, не стоит говорить того, о чем впоследствии можно пожалеть, – сказал маг. – Я не инквизитор – мне не нужны чужие тайны.

Я почувствовал, что краснею. Интересно, этот загадочный человек действительно умеет читать чужие мысли?

– Я вижу, вы прибыли издалека, – продолжил маг. – Что привело вас в Невендаар? Я знаю – там, за морем, про наши земли говорят много недоброго. И во многом это, к несчастью, правда...

– Я пришел сюда за вдохновением, – сказал я.

– А я – за удачей, – подхватил Грош. – Правда, похоже, с удачей придется повременить...

– А знаете что, – прищурился маг. – Видится мне – наша встреча не случайна. Как не случайно и то, что вы решились отправиться в опасное странствие, и то, что вас двоих судьба столкнула для важных испытаний. Разве случайно, что судьба наделила вас своими знаками? Одного – оберегом гномов, другого – зубом дракона?

Мне стало неуютно под столь проницательным взглядом, я невольно поежился, Грош поинтересовался:

– И откуда вы все знаете, дедушка?

Кот сердито мявкнул, а маг рассмеялся:

– Я знаю и то, что ты лишь хочешь казаться бессовестным проходимцем. Но в глубине души – ты искренний и добрый человек...

– О да! – осклабился Грош. – Я искренне люблю золото!

– И ради золота ты спас от смерти своего нового друга? – поинтересовался маг.

Я впервые не без удивления увидел, как краснеет Огюст по прозвищу Грош. Зрелище, надо сказать, презабавное.

– Гм... Раз вы все про нас знаете, может, вы нам и будущее предскажете? – буркнул Грош. – А то оно представляется нам уж больно мрачным...

– Ну, я знаю про вас лишь то, что написано на ваших честных лицах, – усмехнулся маг. – Ну и еще кое-что. Что же касается будущего...

Маг прищурился на солнце, сияющее в просвете между домами, и на его лицо напозла тень внезапно появившейся тучи. Сказал задумчиво:

– Если бы будущее зависело только от вас самих или от моих чародейских навыков... Но будущее открыто лишь для Прорицательницы, да и то – в границах, обозначенных богами. Я же – белый маг, а потому не вправе заглядывать за отведенные мне пределы. Вы же попали в темный водоворот судьбы, будущее ваше – в руках могущественных сил, и предсказать его по принятым мною колдовским правилам не представляется возможным. Но... Нет правил для богов...

Мы молчали, мало что понимая из сказанного магом.

Наконец я спросил:

– Значит ли это, что мы не в силах ничего изменить?

Маг значительно поднял указательный палец:

– Этого я не говорил! Напротив – воля человека ничем не отличается от воли бога! Только страх, покорность судьбе, лень и глупость мешают ему противостоять воле высших сил...

– А разве человек имеет право противиться воле богов?! – испуганно спросил я.

Слова мага не на шутку испугали меня – ведь мне с детства внушали покорность воле Всевышнего!

– А разве не для того боги посылают испытания, чтобы дать людям шанс проявить себя? – прищурился маг. – Не забывай: здесь, в Невендааре, боги издревле борются за власть над расами, и каждый новый герой может перевесить чашу весов в их вечной борьбе...

– Нет, что ни говорите, а геройство не по мне! – заявил Грош. – Знал бы я, что меня здесь ждет, – ни за что не полез бы в Невендаар!

Маг лишь таинственно улыбнулся в ответ, да сверкнул желтым глазом черный кот по имени Густав.

– Мне пора, – сказал маг, касаясь полей шляпы. – Думаю, мы еще встретимся с вами...

– Как хоть вас зовут, любезный? – спросил Грош.

Но мага и след простыл.

– Куда он подевался? – растерянно пробормотал я.

– На то он и маг, – раздался насмешливый голос. – А зовут его известно как. Это же Горензеф – белый маг, отлученный от Церкви!

Говорил какой-то вертлявый, плешистый коротышка, лица которого было не разглядеть, так как он все время кривлялся и паялся куда-то в сторону.

– За что же его отлучили? – удивился я. – Он же белый маг, а значит, использует чистую магию...

– Ну, инквизиции виднее... – хихикнул коротышка и скрылся в толпе.

– Это еще что за чучело? – пожал плечами Грош. – Слушай, друг Свидрик, не кажется ли тебе, что мы довольно давно не обедали?

Ответом на этот риторический вопрос был отчаянный стон моего желудка.

– Более того, – продолжил Грош. – Нашим нервам требуется лечение. Надо срочно найти место, где можно промочить глотку.

– С тобой трудно спорить, друг мой Грош, – сказал я. – Тем более мы это заслужили.

– К тому же следует обновить звонкую монету, дарованную новым хозяином, – усмехнулся Грош, подбрасывая небольшой кошелек, врученный нам отцом Себастьяном. – Иначе все наши с ним договоренности теряют налет изысканности.

И мы побрели по улице в поисках недорогого, но приличного заведения.

Глава десятая, в которой веселая пирушка заканчивается мрачным протрезвлением

Харчевня, обнаруженная нами почти в центре города, откуда открывался великолепный вид на шпили императорского дворца, носила гордое название «Пивная башня». Может быть, оттого, что находилась у основания древней обветшалой башни, действительно изрядно походящей на пивную кружку, а может, оттого, что внутри заведения этот благородный напиток потреблялся с огромной скоростью и в невероятных количествах.

Честно говоря, тогда я не был любителем подобных заведений. Единственный раз похожее место я посещал еще за морем, в гавани, где и встретил купца, готового доставить меня на берег Невендаара. Но даже там, среди буйных матросов и бродяг всех мастей, не было такого неистового шума и веселья. Уже много позже, умудренный опытом, посетивший немало удивительных мест, я понял простую закономерность: чем хуже живет простой люд, чем менее он уверен в завтрашнем дне – тем легче расстается с последними монетами, тем отчаяннее гуляет и пьет. Судя по хмельному шабашу, царящему в «Пивной башне», Империю ожидали непростые времена.

Едва мы вошли в полутемное, густо прокуренное помещение, нас едва не сбilo с ног летящее тело какого-то бедняги. Шмянувшись о дверь, тот со стоном вывалился на улицу, а вслед ему донеслось:

– ...и помни: не вернешь долг к вечеру – оторвем ноги!

Я в растерянности замер.

Приятель же мой лишь рассмеялся, довольно потирая руки:

– Сдается, здесь умеют повеселиться!

– Может, найдем место потише? – робко предложил я, пятясь к выходу.

Но Грош понял это предложение по-своему:

– Ты прав – сядем вон в том углу. Там вроде тихо.

Мы уселись с краю длинного стола, для чего пришлось спихнуть прямо на пол разлегшегося на нем бородатого детину. Тот даже не заметил перемены лежбища, только оглушительно всхрапнул и сладко зашамкал во сне. Немедленно появилась откуда-то расторопная девица пышных форм, с любезной улыбкой на румянном лице. Ловко отпихнув ногой разлегшегося поперек пути отдыхающего, она водрузила перед нами по огромной кружке, увенчанной солидной шапкой пены. Мы и рта не успели открыть, как девица уже все решила за нас: что нам подать и в каких количествах. Надо отдать должное этому месту: никогда в жизни я не обедал более вкусно и сытно и уж точно – не пил такого великолепного эля.

Хотя, может статься, все дело было в контрасте с не столь гостеприимными подземельями инквизиции. Но уже после первой кружки я и думать забыл о ночных ужасах.

Насытившись, Грош поводит по сторонам внимательным взглядом и нашел, что искал: за одним из столов азартно резались в карты. Он оставил меня в одиночестве, предпочтя мое скучное общество привычному времяпрепровождению.

Я же потягивал пиво и разглядывал многоликий люд, поймав себя на мысли, что точно так же я в свое время любовался морской стихией. Слегка ослотив, слушал я незамысловатую музыку, исполняемую местными музыкантами, да постукивал по столу в такт развеваемым трелям.

Впрочем, вскоре мое внимание привлек разговор за соседним столом, едва слышимый сквозь несмолкаемый гул. Видел я лишь спины говоривших, и оттого мне становилось лишь любопытнее.

– ...а еще говорят, Прорицательница нагадала нам столько бед, что держись! – говорил один.

– Да что там! Говорят, она сама и кличет, и наговаривает! – подхватывал второй. – Что ты думаешь – она же заранее знала, что проклятая звезда упадет! Не иначе, как сама сговорилась с Бетрезеном – тьфу на него, будь он трижды проклят...

– погоди, но разве демоны посылают падающие звезды? – с сомнением произнес первый.

– А шут их разберет! Кто сейчас может поручиться, кому что подобает? Или ты не видишь, что все встало с ног на голову?! – горячился второй. – Если уж Великий Инквизитор у нас стал посильнее Патриарха, а Архимага чуть ли не отлучили от церкви...

– Брось! Как это – отлучить Архимага?! – не поверил первый.

– А очень просто! Говорю тебе, эта звезда – неспроста! Грядут кары небесные на наши грешные головы! Ежели хочешь знать – я вообще думаю, что Священная инквизиция наша – сплошь нежить и поклоняется Проклятым...

– Тише ты! – испуганно зашипел первый. – Ты сам понимаешь, что говоришь?! Как это нежить может поклоняться демонам?

– А кто его знает? Только вот поговаривают, что город просто заполонило вражье отродье, только скрываются все под человеческими личинами. Вот ты можешь поручиться, кто за соседним столом сидит? Посмотри – все сплошь страшные рожи, ни дать ни взять – оборотни!

– Как это возможно – чтобы никто не заметил, что в городе столько нечисти?!

– А для чего, ты думаешь, магам запретили практику в столице? А я тебе скажу: чтобы нежить некому было ловить! Маг-то обратной насквозь видит!

– Истинно так! Свят-свят... Я-то думаю, чего это магов в городе почти не осталось? Чуть ли не собаками травят! Я бы на их месте давно всех этих инквизиторов в жаб превратил. Да только наши – сплошь добряки, не станут ради своей выгоды даже врагов изводить...

– Вот видишь! Разбежались чародеи-то! А каждый знает – свято место пусто не бывает. Нет магов, а на их место – шасть! Нежить да демоны! Посмотри на братьев-инквизиторов – это же сущие дьяволы! Говорят, из ихних подземелий такой вой доносится, что можно окаменеть, лишь случайно услышав! А еще я слышал...

Голос говорившего стал зловещим:

– ...будто императора извели давно, а на трон уселся злобный тролль!

– Тролль на троне?! Ох и страшно мне, брат, ох и страшно!

– А мне как страшно! Давай-ка выпьем для храбрости...

– Давай! Эй, девка, еще пива!

Глухо стукнулись кружки, и разговор продолжился.

– А еще говорят, что в городе полным-полно гномов да эльфов.

– Брось!

– Вот тебе и брось! Что стоит им людскую личину нацепить? Видел, какие сады да парки разрослись под дворцовыми стенами? Не иначе, эльфы леса свои прямо в голод приволокли! Так, под нашими личинами, и готовят нам погибель. Видишь, сидит?

– Где?

– Да вон, вон, на нас глядит... Натуральный эльф!

– Не, не похож вроде...

– Да я тебе точно говорю! На уши его глянь!

Я не сразу понял, что эти двое пялятся своими тяжелыми, мутными от хмеля взглядами прямо на меня!

Я невольно потрогал уши. Уши как уши, вполне человеческие. И чем я им похож на эльфа? Вот и давешний инквизитор на что-то намекал. Может, мой облик чужестранца вводит всех в заблуждение? Или моя лютня смущает умы?

– Эй, парень! – пьяно сказал один из говоривших. – Признайся, ты эльф? Один из вражьих лазутчиков, заполонивших столицу?

Я не успел ничего ответить. Откуда-то возникли хмурые и какие-то одинаковые личности в серых плащах и черных беретах с вороньими перьями. Излишне разговорчивую парочку подхватили под руки и поволокли к выходу, не обращая внимания на вялое сопротивление.

– А ну, не рыпайся, – лениво сказал один из обладателей беретов. – Будешь знать, как трепать имя светлое Императора – да правит он вечно, и его верных слуг...

«Не иначе, донес кто-то...» – подумал я, вспомнив, какие крамольные вещи несли эти болтуны. Мелькнули воспоминания о подвалах инквизиции, и мне на миг стало жаль этих незадачливых говорюнов.

Тут к столу вернулся Грош. Выглядел он весьма довольным: потер руки и крикнул разносчице, чтобы принесла самых изысканных яств и дорогого вина.

– А не слишком ли мы разгулялись? – поинтересовался я.

– После неудачной ночи у меня крайне удачный день! – заявил Грош. – Давно мне так не везло в карты!

И, хохоча, вывалил на стол пригоршню монет.

Мы продолжали кутить, перейдя теперь на более благородный и при том еще более крепкий напиток. Я и сам не понял, как оказался сидящим на столе с лютней в руках. Слова сами собой ложились на нехитрый мотивчик, и кабацкие музыканты с охотой подыгрывали на дудках, задавая ритм бубнами. Песня выходила совершенно варварская, придумать такую можно было лишь в изрядном подпитии.

Куда всегда спешим гурьбой?
Ка-бумба-бумби-дон!
Кабак для нас как дом родной!
Ка-бумба-бумби-дон!

Прогонит из дому жена,
Ка-бумба-бумби-дон!
А здесь жена – и не одна!
Ка-бумба-бумби-дон!

Тебя тоска накрыла вдруг,
Ка-бумба-бумби-дон!
Спасет кабак – твой лучший друг!
Ка-бумба-бумби-дон!

А соберешься помирать,
Ка-бумба-бумби-дон!
Тебя здесь будут поминать!
Ка-бумба-бумби-дон!

Песенка возымела успех у завсегдатаев, мне всюю хлопали, а некоторые даже пускались в пляс. Все было бы вообще прекрасно, если бы Гроша не обступили какие-то хмурые, неприятного вида люди.

– Гуляете, значит? – недобро поинтересовался один из них, что-то нащупывая за пазухой.

– Ага! – пьяно ответил Грош. – Имеем право!

– На наши деньги гуляете, – пробасил второй из подошедших.

– А вот нам сдается, что ты жулик! – заявил третий. – Карты-то крапленые!

– Господа, – вальяжно сказал Грош, водя перед злыми глазами жареной куриной ногой, – к чему свое неумение играть прятать за ложными обвинениями? Мне просто везет в карты!

– Гони назад наши деньги! – взревел второй.

Первый быстро вытащил руку из-за пазухи. Я заметил, как в крепко сжатой ладони сверкнул металл.

– У него нож! – крикнул я.

– Помогите! Убивают! – заорал Грош, ныряя под стол, а его разъяренные партнеры по азартным играм норовили схватить моего приятеля за ноги и вытащить на свет божий.

Неизвестно, чем бы закончилось это кабацкое приключение, но вдруг словно ниоткуда возник уже знакомый плешивый коротышка. Он ловко пробрался в середину свалки и негромко сказал что-то нападавшим.

Тех как ветром сдуло. Неожиданный спаситель сел напротив меня и как ни в чем не бывало принялся уплетать заказанные нами блюда.

– Эй, Грош, вылезай! – неуверенно позвал я приятеля.

– Не хочу! – донеслось из-под стола. – Мне и тут неплохо. Только передай-ка мне кувшинчик доброго вина!

Коротышка усмехнулся и сказал с набитым ртом, не поднимая глаз:

– Ничего не скажешь, здорово вы начинаете свою службу!

– О чем это ты, приятель? – не понял я.

Хмель гулял в моей голове, и сосредоточиться было непросто.

– Соображай быстрее, – сказал коротышка, вытирая рот рукавом. – Вам было велено вести себя тихо, не привлекать внимания и ждать дальнейших распоряжений. Так?

– Э-э... Так вроде... – промямлил я. – А вы, собственно, кто?

– Вот дурень... – криво улыбнулся коротышка, и глаза его недобро прищурились. – А вы думали, что указания вам прямо с неба упадут?

– А-а... – До меня начало доходить. Этот неприятный тип, наверное, все время следил за нами. Надо отдать ему должное: без него мы, наверное, уже влипли бы в неприятности.

– А ну, вылезай! – брезгливо сказал коротышка, за шиворот вытягивая из-под стола Гроша.

Я медленно начинал трезветь. Теперь уже незнакомец не казался мне таким смешным и безобидным. Небольшого роста, но жилистый и юркий, с бегающими цепкими глазами – кого-то он мне напоминал...

Точно – схваченного однажды на пристани вора. Те же нарочито небрежные движения, особый воровской выговор... И цветная татуировка на запястье – в виде браслета...

– Так вы работаете на инквизицию? – недоверчиво спросил я. – Но ведь вы...

Я замялся. Коротышка оскалился мелкими кривыми зубами:

– Тебя смущает, что я – член Гильдии? Так инквизиция, хвала Всевышнему, не брезгует нашим братом! А мы не отказываемся от хорошей работы – за звонкую монету!

– Выходит, мы некоторым образом... э-э... коллеги? – предположил Грош, начинающий постепенно приходить в себя.

Коротышка, наливший в чашку вина, презрительно фыркнул:

– Какие мы с тобой коллеги, простачок? Я – Заг, благородный вор, в авторитете при Гильдии, и сроду не марал рук работой! Меня не заставишь за здорово живешь даже на инквизицию пахать и уж точно не запугаешь, как щенка!

– Но вы же на нее работаете... – осторожно сказал я.

– Я не работаю, – скривившись, возразил Заг. – Я оказываю платные услуги. И в эти услуги входит следить за вами, а в случае чего – подрезать вам перышки, чтобы не дрыгались...

– Право же, не стоит, – сказал Грош, припадая к кувшину с вином.

Заг без труда отобрал у него кувшин и сказал:

– Это, господа хорошие, только от вас зависит. Я человек понимающий – сам люблю повеселиться, глотку промочить и в картишки перекинуться. Потому на первый раз прощаю – не буду докладывать папочке-инквизитору. Но дальше – не взыщите.

– Как скажешь... – тоскливо сказал Грош, потирая затылок. Наверное, у него начинала побаливать голова.

– Вот и славно! – ухмыльнулся вор. – А вот и ваше первое задание. Вы немедленно уберетесь из столицы и отправитесь по дороге на Саторию, до большого дорожного камня. Там, на развилке, поймете, куда идти дальше.

– А если не пойдем? – поинтересовался Грош.

– Тебе же хуже будет, – сказал Заг Грошу. – А чтобы не задавал больше ненужных вопросов – давай-ка сюда свой выигрыш!

– Но...

– Не зли меня, малый, – с угрозой сказал вор. – Это я оказываю услуги за деньги. Ты же – спасаешь собственную шкуру!

Грош хмуро высыпал на стол монеты. Тяжелый серебряный талер раздражающе крутился среди кувшинов и кружек, пока Заг не прихлопнул его ладонью.

– С вами приятно иметь дело, господа! – сгребая деньги, хихикнул вор. – До встречи!

Глава одиннадцатая, в которой происходит неожиданная, но закономерная встреча

Мы молча стояли, любуясь крепкими стенами, башнями и высокими шпилями. От шумного уличного люда, широких площадей, великолепных зданий и веселых таверн нас отделяли теперь ворота с отрядом внимательных караульных.

В один момент этот прекрасный город стал для нас чужой, запретной территорией, а мы вновь превратились в скитальцев. Наше путешествие в Невендаар обернулось тяжелой неудачей, а жизни наши стали игрушками в руках хитроумных негодяев.

Повернувшись, я побрел прочь от столицы по дороге, вымощенной крупным булыжником. Грош догнал меня и теперь задумчиво шел рядом.

Мимо проползали слободские дома, обступающие городские стены, фруктовые сады и поля. Мало-помалу домов становилось все меньше, и вдоль дороги потянулась редкая рощица.

Грош принялся оглядываться и чесаться, словно ему не давали покоя какие-то мысли.

– Чего тебе неймется? – спросил я.

– Я вот что думаю, друг мой Свидрик, – сказал Грош задумчиво. – Неужто и дальше мы будем покорно топтать, куда велели, словно какие-то дурачки из глупой сказки?

– Продолжай, – предложил я, догадываясь, куда он клонит.

– Неужто нам не хватит ума скрыться от этих самодовольных мерзавцев? – распалялся Грош. – И не таких вокруг пальца обводили!

– Да, но... – Я не знал, что сказать на это. Страх во мне боролся с сомнениями и острой жаждой свободы.

Грош остановился и спросил решительно:

– Так ты со мной?

Я помедлил миг и ответил:

– Конечно!

Мы соскочили с дороги и бросились в рощу, петляя, путая следы, как зайцы. Не знаю, как это могло помочь, но, уносясь прочь от навязанной нам дороги, я ощутил восторг и забытую было радость жизни. В голове немедленно стали рождаться вдохновенные строки, но времени записывать не было.

– Надо бы найти место, где можно отсидеться! – задыхаясь от бега, кричал Грош. – Главное – переждать! А еще лучше – сменить внешность!

– Как мы можем сменить внешность? – отплевываясь от пыли, кричал я.

– Придумаем что-нибудь! – бодро отвечал Грош. – Хорошо, что я отдал негодю только половину денег – будет чем отплатить за помощь! Жаль, что мы никого не знаем в этих местах...

В этот миг земля разверзлась под нами, и мы с воплями понеслись прямо в объятия гномьего бога Вотана...

Впрочем, летели мы не столь долго, упав на мягкую подушку из мха и сухих листьев. Мы все еще вопили, размахивая руками и ногами, пытаясь выбраться из-под сыпавшегося на голову дерна.

– Какие неловкие эти чужестранцы, – раздался насмешливый голос. – Оказывается, за морем не принято смотреть себе под ноги...

Мы замерли в изумлении: над нами, возникнув будто неоткуда, стоял маг Горензеф собственной персоной. Смотрел на нас, хитро улыбался и поглаживал длинную бороду.

– Как... Откуда?! – пробормотал я.

– Тьфу... – отплевывался от лесного мусора Грош. – Что за чертовщина? Где мы?

– В надежном месте, – поведал маг. – Не вам одним порою хочется укрыться от посторонних глаз.

Он окинул нас спокойным, мудрым взглядом и добавил:

– Я же говорил, что судьба еще сведет нас. Правда, не ожидал, что это случится так скоро...

Тайное жилище Горензефа пряталось под корнями деревьев, меж огромных валунов, было укрыто мхом и травой и заговорено от случайных взглядов. В том числе и поэтому наша встреча никак не могла быть случайностью.

Под земляным сводом, с которого свисали корни растений, располагалась тайная комната, скрывающая секреты белого мага. Сам воздух здесь был пропитан таинственной атмосферой магии. Прямо над головой, словно высокая каминная труба, начинался пустой изнутри ствол могучего дуба, где-то высоко пробитый большим дуплом. Сквозь внутренности этого ствола, а также сквозь незаметные снаружи щели между корнями подземная комната была освещена дневным светом. Свет этот распадался на множество лучей, в которых играли легкие пылинки, и все это лишь добавляло таинственности обстановке.

Посреди комнаты, на поверхности, устланной удивительно свежей травой, стоял огромный, потемневший от времени стол. Сразу становилось понятно: хозяин его – человек не простой и не терпящий праздности. По центру лежала огромная, распахнутая на середине инкунабула в потемневшем металлическом переплете, с замочками на обложке, с множеством закладок меж желтых, неровных по краям страниц. Несколько книг поменьше в кажущемся беспорядке лежали стопками по всему столу. Бесчисленное множество древних свитков – пергаментных, папирусных, берестяных – захватили полки шкафов, служащих комнате стенами.

Еще на столе были огромные песочные часы, струился в которых отнюдь не песок. Приглядевшись, я со страхом увидел, как из верхней колбы в нижнюю капает темная, густая кровь! Внизу она удивительным образом светлела, наливаясь живым пунцом...

Еще там лежала карта, в которой я ничего не мог разобрать, так как реки, горы, острова и леса на ней постоянно меняли свои очертания.

– Карта Невендаара, – пояснил Горензеф. – Удивительнее ее лишь само устройство нашего мира, меняющего свойства вслед за приходящей на его земли расой. Несущие жезлы власти архангелы в любой миг готовы изменить привычные границы...

– Но это означает войну... – прошептал я.

– Печально, но это так, – отозвался маг. – Так, волею богини Мортис стерты с лица Невендаара земли древнего королевства Алкмаар, и не осталось там ничего человеческого, будто и не было вовсе...

Тут я заметил такое, от чего глаза у меня полезли на лоб: большое гусиное перо усердно писало что-то на пергаменте, время от времени деловито ныряя в чернильницу, отфыркиваясь и отплевываясь от излишков чернил, и снова принималось усердно скрипеть, выводя буквы.

Горензеф поймал мой изумленный взгляд и пожал плечами:

– Время – наше бесценное богатство. Я рад нашей встрече и возможности пообщаться – но ведь это же не повод, чтобы прекращать работу, верно?

– Вы правы, – сказал я. – Иногда я жалею, что не могу мгновенно записать строки, пришедшие на ум. Из-за этого мне кажется, что самые ценные мысли теряются в повседневной суете...

– Людям непросто освоить такую технику. Нужны столетия – но даже жить столь продолжительное время у людей не хватает терпения...

Я повернулся к магу и отпрянул: вместо него со мной говорил черный кот Густав, взобравшийся на стол.

Видя мою реакцию, кот возмущенно мявкнул:

– Скажите, пожалуйста! Перо, что пишет само по себе, уже его не удивляет, а простой говорящий кот заставляет глаза таращить!

– Простите... – пробормотал я. – Вы – это господин Горензеф или...

– Или! – отрезал кот и ловким движением лапы перевернул часы, в которых с отчетливо слышимым «бульком» упала последняя капля.

Перо перестало вдруг писать и зависло над текстом, будто задумавшись. Капелька чернил упала на пергамент. И вдруг листок взлетел в воздух – и с хрустом превратился в бесформенный ком, будто смятый раздосадованным невидимкой. И полетел в корзину, где уже было полно мятой бумаги и обрывков пергамента. Увернувшись от пролетающего комка, кот раздраженно зашипел.

– Простите, любезный Густав... – через силу произнес я. – Я не подумал...

– Людям вообще не свойственно думать, – смягчаясь, сказал кот. – Впрочем, ты не похож на глупца. Я читал твои труды – не Шекспир, прямо скажем, но довольно оригинально...

– Я не написал еще ни одного труда... – пробормотал я.

– Еще напишешь! – пообещал кот, принимаясь облизывать лапу. – Если, конечно, в назначенный срок тебе не отрубят голову. Советую не отказываться от услуг знатока права, хоть он будет казаться самым распоследним лгуном...

– Мне должны отрубить голову? – потрясенно прошептал я.

– Ну, если до этого ты не утонешь в горной речке, – сказал кот, щурясь. – Когда будешь спасаться от людоеда...

– Густав, перестань смущать юношу своими пророчествами! – донесся из соседнего помещения голос Горензефа. – Тем более если сам в них совершенно не уверен!

– Неуверенность в себе – типичный порок помощников мага, – пожаловался кот, прогуливаясь по спинке огромного деревянного кресла. – Одно могу сказать точно: что бы ни случилось, какие бы ловушки не ставила судьба – ни за что не отказывайся от своего призвания!

– А какие ловушки может поставить судьба?

– Например, дать тебе в жены дочь Императора, – сказал кот, сверкнув глазом. – Или сделать Великим Инквизитором.

– Это... правда? – с трудом проговорил я.

– Чушь полная, – зевнул кот и спрыгнул на травяной пол, смахнув хвостом несколько чистых листов. Перо нервно дернулось, и очередной лист, раздосадованно смятый, полетел в корзину.

В комнате появились Горензеф и Грош. Приятель мой выглядел немного пристыженным, что, по правде говоря, за ним еще не замечалось.

– Я показывал твоему приятелю кое-какие фокусы с картами, – пояснил Горензеф.

И добавил, обращаясь к Грошу:

– Заверяю тебя, в этом случае – никакого колдовства, одна лишь ловкость рук. Только вот ты никогда не сможешь использовать этот прием для жульничества в игре. Искусство не терпит корысти!

– О да, конечно... – смиренно сказал Грош. – А если продавать билеты на свои выступления?

Маг с удивлением посмотрел на Гроша.

– Ты неисправим, мой мальчик! – усмехнулся он. – Так и быть – на этом ты меня поймал. Дарю! Но условие про игру остается... Прошу садиться!

– Куда? – недоуменно спросил я.

Маг указал на стулья, искусно сделанные из пней. Готов поклясться – только что их здесь не было!

Сам Горензеф прошествовал к своему креслу, не глядя поймав дергающееся в воздухе перо. Глянул в записи – и с кряхтением полез в корзину. Достал скомканный лист, уселся и принялся его разглаживать, продолжая при том говорить:

– Раз уж вы пришли за защитой и поддержкой – я не могу отказать вам в этом.

– Спасибо! – воскликнул Грош.

– Вы так великодушны! – искренне сказал я.

– Погодите! – Горензеф замахал руками. – Помощь мага – дело непростое. Ведь каждое мое действие вызывает сложное движение стихий. Потому нам не обойтись без определенного соглашения...

Маг смотрел на нас серьезно, изучающее.

– Конечно! – сказал я.

– О да! – кивнул Грош.

– Я еще не озвучил свое условие, – покачал головой маг. – Возможно, вам оно покажется странным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.